

Обитель Тьмы

Автор:

Антон Грановский

Обитель Тьмы

Антон Грановский

Гиблое место #9

Новая напасть обрушилась на многострадальный Хлынь-град. Измученным правлением обезумевшего от собственной жестокости самозваного князя Добровола жителям города теперь грозила неотвратимая гибель. И несли ее Призрачные всадники, которые стремились заменить мир живых людей миром мертвецов. Остановить эту страшную армию мог только Глеб Орлов, по воле судьбы заброшенный из современности в изначальные годы Руси. Тяжелейшие испытания ожидают Глеба и его спутников на пути к Порталу – вратам, ведущим в мир Иноземья...

Антон Грановский

Обитель Тьмы

Пролог

При виде вышедшего из-за деревьев на лужайку ходока ведомые вскочили на ноги и радостно заулыбались.

– Лобан! – воскликнул один из них. – Слава богам, ты вернулся, ходок!

Ходок Лобан остановился у костра, горящего в сгущающихся сумерках, и взглянул на своего брата Куденю и на ведомых. Их было четверо. Пожилой брюхатый купец, тощий иноземец с вечно недовольным лицом и два зажиточных землепашца, которые отправились в Гиблое место на поиски чудного амулета, который должен был возродить оскудевшую землю и снова сделать ее плодородной.

– Ну, как? – робко глядя в угрюмое, выдубленное солнцем и ветрами лицо ходока, спросил брюхатый купец. – Осмотрелся?

Лобан не ответил. Он водил людей в Гиблое место уже два года и никогда не мог смотреть на своих ведомых без скрытого презрения. Здесь, в Гиблом месте, он был всемогущим королем. От него, и только от него, зависело – будут вedomые жить дальше или сложат свои головы в гиблой чащобе.

Купец и один из землепашцев растерянно и боязливо переглянулись.

– Так что скажешь, ходок? – снова спросил купец. – Есть там другой путь?

Лобан помолчал еще несколько мгновений, потом покачал головой и хрипло ответил:

– Нет. Придется разгрести этот завал.

Ведомые принялись разгрести завал из веток, травы и грязи. Лобан достал из ножен меч и взвесил его в руке. Меч был хороший, заговоренный кузнецом-вещуном от темных тварей. Лобан еще никогда не поднимал его на людей.

Что ж, всегда бывает первый раз. Лобан подал знак Кудене. Тот кивнул и положил руку на кряж меча. Лобан шагнул к вedomым, занес меч и рубанул купца по голове. Голова купца раскололась, будто как орех. На звук обернулся иноземец. Брови его изумленно взлетели вверх, но Лобан, выдернув меч из головы купца, размахнулся и резким ударом рассек иноземцу грудь.

– Лобан... – пробормотал один из землепашцев, обмирая от ужаса и пятясь от окровавленных тел своих товарищей. – Лобан, что ты наделал?

Лобан, не отвечая, снова занес меч для удара. На этот раз к нему присоединился Куденя, и вдвоем они быстро зарубили землепашцев.

Сделав дело, братья-ходоки опустили мечи и перевели дух. Лобан вытер ладонью забрызганное кровью лицо и проронил:

– Кончено.

– Да, – тяжело дыша, отозвался Куденя. Он сорвал пучок травы и тщательно вытер щеки, шею и заляпанную кровью руку.

Лобан воткнул в землю меч, затем подошел к купцу, присел рядом и принялся обшаривать его карманы. Из одного ходок достал кошель с золотыми монетами. Затем он обшарил карманы тощего иноземца. На этот раз добычей ходока был мешочек с драгоценными яхонтами.

Куденя, ожидая, пока брат закончит обыск, покосился на изрубленный труп купца и язвительно произнес:

– Ну что, скупердяй? По-прежнему будешь талдычить, что заплатишь мне только после того, как найдем чудн?ю вещь?

В лесу что-то хрустнуло, и усмешка мгновенно сошла с лица Кудени. Несколько мгновений он вслушивался в звуки леса, потом посмотрел на брата и спросил:

– Ты слышал это?

– Что? – не понял Лобан, продолжая обшаривать одежду иноземца.

Куденя вздохнул.

– Нет, ничего... Просто показалось. – Он перевел взгляд на тело иноземца, облизнул пересохшие губы и тихо сказал: – Говорят, если ходок убил своего ведомого, падшие боги накажут его.

– Чушь. – Лобан выпрямился и сунул добычу в карманы кафтана. – До межи всего три версты, братка, и мы с тобой пройдем их.

Он повернулся к мечу, и вдруг Куденя взволнованно выкрикнул:

– Брат, там кто-то есть!

Лобан повернулся к Кудене и увидел, что тот показывает на черные вересковые кусты.

– Кто-то видел, как мы убили их, – прошептал Куденя.

Лобан нахмурился, шагнул к мечу и вырвал его из земли. Теперь, всего за три версты от счастливой жизни, он не намерен был сдаваться и готов был убить любого, кто встанет на их пути.

С мечом в руке ходок повернулся к вересковым кустам и крикнул:

– Кто там? А ну – выходи!

Кусты шелохнулись, и на поляну шагнул незнакомец. Это был человек. Высокий, одетый в белое и весь словно обсыпанный мукой.

Лобан дал знак Кудене, а сам резко спросил:

– Ты кто?

Незнакомец молчал. И тут Куденя бросился вперед и рубанул белого незнакомца мечом. Тот отпрянул, выронил что-то на траву и вдруг завизжал, да так страшно и пронзительно, что у Лобана заложило уши, а меч сам выпал из разжавшихся пальцев.

Лобан согнулся пополам и заткнул уши ладонями.

Внезапно визг оборвался.

Оглушенный ходок выпрямился и снова взглянул на незнакомца, однако того уже не было, а Куденя, волоча по траве меч, шел к Лобану странной, покачивающейся походкой.

Не дойдя до старшего брата двух шагов, Куденя рухнул на траву. Лобан бросился к нему, быстро присел рядом и осмотрел тело брата. Кафтан на груди у Кудени взмок от крови. Прощупав его грудь пальцами, Лобан понял, что раны, оставленные белым незнакомцем, глубоки и смертельны.

– Я... убил его, – хрипло выговорил Куденя, и фонтанчик крови с клекотом вырвался у него изо рта.

На широком лице Лобана выступили капли пота. Он погладил Куденю по голове и тихо произнес:

– Да, братка. Ты его убил.

Куденя хотел еще что-то сказать, но закашлялся, и брызги крови полетели Лобану на лицо.

Вытирая рукавом лоб, Лобан не заметил, как за спиной у него выросла еще одна белая тварь. Огромный коготь, похожий на костяной нож, молниеносно вошел Лобану в спину.

Лобан дернулся и, почти теряя сознание от боли, медленно обернулся. Голова белой твари походила на человеческий череп, но вместо челюстей у нее было что-то вроде муравьиного жвала.

Оглушительно завизжав, чудовище ударом белого крыла сбило Лобана с ног, затем быстро схватило обоих ходоков за ворота кафтанов и стремительно поволокло их в чащобу.

Приподняв голову, Лобан увидел, как четыре белые фигуры склонились над убитыми ведомыми, и то, что эти твари делали с людьми, повергло Лобана в такой ужас, что он на мгновение забыл о боли.

Дотасив ходоков до верескового куста, чудовище небрежно швырнуло их на траву. Затем оно склонилось над Лобаном и заглянуло ему в лицо. Лобан отвернулся. Пока чудовище занималось его израненным телом, Лобан смотрел на мертвое лицо брата. Боли он уже не чувствовал, только слабость, отчаяние и горе.

– Куденя... – хрипло прошептал Лобан. – Братка... Прости...

За секунду до того, как тварь закончила свое ужасное дело, силы покинули Лобана, глаза его закатились под веки, и он испустил дух.

Кем бы ни были падшие боги, они оказались милосердными к Лобану, ибо то, что стало происходить с его телом дальше, было страшнее самой страшной посмертной муки.

Глава первая

1

Тихо потрескивала лучина. Искорки срывались с черного фитилька и падали на столешницу. Маленький мальчик лежал в постели, натянув одеяло до самого подбородка, и, затаив дыхание, слушал рассказ бабушки. Бабушка была старая-старая, глубокие морщины избороздили ее лицо. На коленях у бабушки лежало вязанье, и железные спицы тускло посверкивали в ее маленьких руках.

– Никто не знает, откуда Первоход пришел в Хлынское княжество, – говорила бабушка Сухота тихим, старческим голосом. – Поначалу-то хлынцы приняли его за ведуна, а причиной тому был волшебный огнестрельный посох, с которым Глеб Первоход не расставался ни на минуту.

Голос старушки звучал монотонно и хрипло.

– Бабушка, а что такое огнестрельный посох и где Глеб Первоход его раздобыл? – спросил, глядя на Сухоту любопытными глазенками, мальчик.

– Не знаю, милый. И никто не знает. Едва появившись в городе, Глеб Первоход тут же прогневил старого князя Аскольда, и тот заточил его в темницу. А после – приказал Глебу отправиться в Гиблое место, кишущее темными тварями, и

добыть целебную траву для умирающей княжны Натальи.

Мальчик слегка поежился под одеялом и тихо спросил:

- И Первоход отправился в Гиблое место?

- Да, - кивнула старуха. - Он и четыре его товарища. Товарищи сложили головы в черном бору и на Моревских рудниках, но сам Глеб вернулся. С той поры приклеилось к нему прозвище Первоход, потому как стал он первым ходоком в места погиблые и первым добытчиком чудных вещей.

Сухота перевела дух и быстро посчитала петли. Затем вновь заработала спицами и продолжила сказ про Глеба Первохода:

- С тех пор люди стали часто ходить в Гиблое место за чудом. Водили их туда ходоки - отважные сорвиголовы, готовые за серебряную резанку схватиться один на один с оборотнем или притащить в Порочный град связанного упыря.

При упоминании об упырях и оборотнях мальчик опять поежился.

- Бабушка, а зачем тащить темных тварей в Порочный град?

Старуха, не отводя взгляда от спиц, усмехнулась.

- Плохие люди стравливают упырей и оборотней промеж собой, ставят на них деньги и смотрят, кто победит. Порочный град - дурное место, внучек. Не дай тебе Белобог когда-нибудь забрести туда.

Старуха перевела дух, затем заговорила снова:

- В былые годы хозяином Порочного града был купец Крысун Скоробогат, но после его гибели заправлять там всем стал князь Добровол. Глеб Первоход слыл при Крысуне первейшим среди ходоков, самым сильным, опытным и умелым. Темные твари боялись его как огня. А Крысун Скоробогат платил ему за работу звонкой монетой. Но потом Глеб Первоход убил Крысуна Скоробогата.

- За что же он его убил? - с боязливым удивлением спросил внук.

– За то, что Крысун Скоробогат превратился в темную тварь. А Глеб Первоход ненавидел темных тварей. – Старуха пожевала сухими губами, после чего продолжила: – И все было бы хорошо, но пока Первоход находился в Гиблом месте, власть в Хлынском княжестве захватил боярин Добровол. Добровол сам назначил себя князем, приказал схватить Глеба Первохода и отправить его в Морию.

– В Морию, – тихо повторил мальчик. Подумал и уточнил: – А что это такое, Мория, бабушка?

– Мория – это страшная-престрашная темница. Стоит она на острове. А остров тот – посередь широкой-преширокой реки. Реку ту называют Волхов, потому что на берегах ее, в черных, непролазных лесах, живут волхвы. Волхвы те столь страшны, что даже князь Добровол опасается с ними связываться.

Мальчик снова обдумал слова старухи, нахмурился и спросил:

– Бабушка, а кто такие волхвы?

– Колдуны, – ответила старая Сухота. – Они охраняют темницу Морию, насылая на узников страшные сны и питаясь их страхами. Князь Добровол не мешает волхвам жить так, как им любо, а они взамен присылают ему самоцветные камни, которые добывают в своих лесах.

– И Глеба Первохода волхвы тоже мучили страшными снами?

Старуха кивнула.

– Да. Три года, три месяца и три дня провел Глеб в кошмарной Мории. Так бы и сгинул, но пришли за ним отважные друзья и вызволили Глеба из полона. С тех пор Глеб Первоход не появлялся в Хлынь-граде. Одни говорят, что он сгинул в заколдованном лесу, другие – что перебрался к новгородским словенам и стал правой рукой ихнего князя Миломысла. Доподлинно же о Первоходе ничего не известно.

Худенькое личико внука посуровело, и он проговорил звонким и сердитым голосом:

– Если Глеб Первоход такой сильный, почему он не придет и не убьет князя Добровола?

Сухота дернула уголками узких, губ.

– Пред тем, как попасть в Морию, Глеб изобрел для князя много удивительных и страшных вещей. Самые жуткие из них – мушкеты и пушки. Они стреляют по врагам железными стрелами и огненными шарами.

– Это все придумал Глеб Первоход?

Старуха кивнула.

– Да. И не только это. Первоход научил людей печатать книги, он изобрел целебное снадобье, которое излечивает людей от самых тяжелых хворей. Первоход придумывал свои вещи людям во благо, но князь Добровол обернул их против людей. Он завоевал окрестные княжества, разорил их города и деревни, а жителей захватил в полон и сделал своими рабами.

– Глеб Первоход должен вернуться в Хлынь и прогнать плохого князя! – твердо заявил мальчик. – Он ведь самый сильный и отважный ходок. Ты сама об этом говорила, помнишь?

– Помню. – Старуха мягко улыбнулась. – Но ратники князя Добровола вооружены мушкетами. А кроме того, у князя Добровола есть волшебный амулет, который имеет над Глебом Первоходом страшную власть. Пока амулет у Добровола, Глеб не может причинить князю никакого вреда.

Пальцы мальчика крепко стиснули край одеяла.

– Это несправедливо! – сердито проговорил он.

– Тише, милый, тише.

Старуха пугливо покосилась в сторону окна. На мгновение ей показалось, что за окном из натянутого бычьего пузыря промелькнула белая тень. По полу

пронесся сквозняк, и пламя лучины дрогнуло. Старуха напрягла слух и настороженно уставились на дверь.

Ее тревога передалась и мальчику.

– Ты чего, бабушка? – понизив голос, спросил он.

Несколько секунд старуха молчала, потом облегченно вздохнула и вновь посмотрела на внука.

– Ничего. Должно быть, показалось.

Она поправила на коленях вязанье и сказала:

– С тех пор, как исчез Глеб Первоход, темные твари совсем распоясались. Каждый день в город привозят на подводах мертвых воинов, убитых оборотнями и упырями. А взамен выбывших княжьи поручики набирают по дворам новых, чтобы отправить их к меже. И конца-краю этому не видно.

– Я слышал про межу, бабушка. Она отделяет нас от Гиблого места, верно?

– Верно, милый.

Поразмыслив немного, внук спросил:

– Бабушка, а может, Первоход вернулся в свою страну? Туда, откуда он приехал к нам много лет назад.

Старуха качнула головой:

– Вряд ли. Люди говорят, что Первоход не может вернуться, пока не выполнит все, что ему суждено судьбой. Вроде бы падшие боги оставили у него на предплечье зарубки, похожие на небольшие шрамы. Чем больше подвигов совершает Первоход, тем меньше остается зарубок. Только когда все шрамики исчезнут, Глеб Первоход сможет покинуть наше княжество и вернуться домой.

Спицы вновь замелькали в морщинистых руках бабушки.

Мальчик лежал на кровати и задумчиво смотрел на темный потолок, на котором плясали отблески лучины. Тени и блики складывались в чудные фигуры, и в фигурах этих мальчику чудился то оборотень, то упырь, а то и нечто такое, о чем ему никто и никогда не рассказывал, – страшное, крылатое, с огромной зубастой пастью.

Несколько секунд мальчик, как замороженный, смотрел на игру теней, потом с усилием отвел взгляд и вновь посмотрел на старуху.

– Бабушка, – тихо позвал он, – а откуда ты все это знаешь?

– Про Первохода?

– Да.

– Я, милый, два года проработала в княжьем тереме. Убирала горницы и опочивальни, мела двор, стирала белье. Много чего делала. Да ты, поди, и сам помнишь.

Мальчик зевнул. Потом кивнул головой и сонным голосом подтвердил:

– Да. Я помню. Тогда еще мамка с папкой были живы.

– Верно, милый.

– Бабушка, когда я вырасту большим, я тоже стану ходяком в места погиблые, – заявил мальчик. – Я буду убивать темных тварей и искать чудные вещи, как Глеб Первоход.

Сухота улыбнулась.

– Будешь, милый, обязательно будешь.

Мальчик хотел еще что-то сказать, но вдруг уставился на окно, и глаза его расширились от ужаса. С улицы, уткнув лицо в натянувшийся до предела бычий пузырь, на него кто-то смотрел.

- Ба... ба... - пробормотал мальчик, поднял руку и показал на окно.

Старая Сухота повернулась, но за мгновение до этого страшное лицо отпрянуло от окна. Не заметив ничего странного, старуха снова посмотрела на внука и недоуменно спросила:

- Что случилось, милый? Ты что-то увидел?

- Там кто-то был, - в ужасе вымолвил мальчик, таращась на окно.

Сухота улыбнулась, протянула морщинистую руку и успокаивающе погладила внука по коленке.

- Тебе почудилось, милый. Мне тоже всякое чудится... Все будет хорошо. Уж ты мне поверь.

Голос старухи звучал ласково и мягко, и мальчик успокоился. Он хотел продолжить разговор, но вместо этого раззевался и постепенно - под мерный, спокойный голос бабушки - задремал.

Дождавшись, пока внук уснет, Сухота отложила вязанье. Ее тоже клонило в сон, и противиться сну в столько поздний час было незачем.

Старуха поднялась с кресла и, прихрамывая, пошла к топчану, накрытому соломенным тюфяком и застеленному сверху чистым льняным покрывалом. Однако лечь Сухота не успела. Какой-то странный звук привлек ее внимание и заставил напрячь слух и насторожиться.

Звук повторился, и на этот раз Сухота его узнала. Это был негромкий, сухой кашель, словно кто-то прочищал горло. Старуха схватилась за сердце, и в этот момент в сенях тихо скрипнула дверь.

Старая Сухота посмотрела на внука, мирно спящего под теплым шерстяным одеялом, потом повернулась и, нахмурившись, решительно заковыляла к двери. Открыв дверь сенцов, она остановилась. С виду в морщинистом лице Сухоты ничего не изменилось, лишь глаза ее увлажнились от ужаса, а нижняя губа мелко задрожала. И было от чего. В сенях стояла худая, бледная женщина в грязном одеянии.

Старуха узнала ее сразу, но вымолвить имя смогла лишь со второй попытки.

- Зо... Зоряна? Зорюшка моя, ты ли это?

- Это я, мама.

Зоряна была бледна, так бледна, словно ее кожа отродясь не побывала на солнце. Волосы у нее были влажные и спутанные, и на вид – тонкие, как волосы младенца.

Старуха перевела взгляд с лица дочери на ее одежду и испуганно проговорила:

- На твоей одежде... кровь.

- Это не моя, – тихо отозвалась дочь.

- А чья?

Дверь снова отворилась, и в сени вошел мужчина. Одежда на нем была такая же окровавленная, как на Зоряне, а лицо, слегка испачканное кровью, было еще бледнее, чем у нее.

- Любомил! – ахнула старуха.

- Да, тещушка. Это я.

Старуха прижала к груди сморщенные руки.

– Как же это? Вы ведь утонули. В день первого покоса. Тебя, Любомил, сожгли в погребальном круге. Я была там. А тебя, Зорюшка...

Дочь сделала легкий останавливающий жест рукой и сипло перебила:

– Ты не рада, что мы вернулись, мама?

– Рада, но... – Голос старухи сорвался на хриплый шепот: – Чья на вас одежда?

Дочь и зять не ответили. Тогда старуха, приглядевшись к одежде, сказала:

– В таких куртках ходят промысловики и ходоки.

– Забудь про одежду, мама. – Голос дочери звучал слабо и как-то вяло, словно не успел набрать должной силы. – Проведи нас в дом, согрей и накорми. Нам холодно и голодно. С самого покоса мы не держали во рту ни крошки.

Лицо Сухоты побледнело, и она проговорила дрогнувшим голосом:

– Внук не должен вас видеть.

– Ляшко? Он здесь?

– А где ж ему быть?

– Мы по нему соскучились. Впусти нас в дом, и мы обнимем его.

Несколько секунд на лице старухи отражалась борьба, после чего она решительно заявила:

– Этого не должно быть, милая. Это неправильно. Мертвецы не могут явиться к живым во плоти.

– Но мы явились, – тихо возразила Зоряна.

Старуха вновь отрицательно качнула головой.

- Не обессудьте, милые, но я не пущу вас в горницу.

Зоряна и Любомил переглянулись.

- Ты не сможешь нас остановить, мама, - глухо проговорила Зоряна.

- Мы все равно войдем, - сухо проговорил зять Любомил.

За спиной у него, за приоткрытой в ночную темень входной дверью, послышался какой-то шум.

- Кто там? - встревоженно спросила Сухота. - Кого это вы привели?

- Те, благодаря кому мы здесь. Они так же голодны, как мы.

Зоряна обернулась к двери.

- Зорюшка, нет! - крикнула старуха и попыталась схватить мертвую дочь за руку, но не успела.

Большая белая фигура, подобно огромной ночной бабочке, стремительно влетела в сени, сшибла Сухоту с ног и вцепилась ей когтями в грудь и лицо.

Другая фигура, такая же мучнисто-белая, распахнув с размаху дверь, устремилась в горницу. Секунду спустя цепкие лапы схватили притихшего мальчика и выдернули из-под одеяла. Мальчик вскрикнул от боли и ужаса, но тут же захлебнулся собственным криком. Багровая струя крови брызнула на одеяло, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим чавканьем белых тварей.

Темно и глухо было об эту пору в княжьем городе. Улицы опустели еще задолго до заката. Ставни на домах плотно закрыты. На дороге поблескивали лужи. Синие мухи, облепившие конский навоз, блестели в лунном свете, как хуралуговые заклепки на броне ратника.

Лишь один человек стоял на улице, поджидая медленно катившийся по дороге возок. Человек был высокого роста, худ и угрюм. Лицо у него было молодое, усы и борода темные, но волосы – седые, будто у старца.

Возчику Руму человек был незнаком, а потому, остановив лошадку, он слегка напрягся.

– Поздновато ты едешь, – сказал незнакомец глуховатым голосом, и голос этот Руму очень не понравился.

Возчик сунул руку в карман полукафтана и нащупал нож.

– Так я это... домой возвращаюсь, – добродушно пояснил он. – Тебя куда отвезти-то, друг?

– Отвези меня к Северной стене, – сказал незнакомец, плотнее кутаясь в плащ.

Возница Рум покосился на него через плечо и спросил прямо:

– Ты разбойник?

– Есть люди, которые так думают, – спокойно ответил седовласый парень. – Тебя это смущает?

Рума это совершенно не смущало. Хлынские разбойники и душегубы его не обижали. Порою он помогал им скрываться от княжьих охоронцев или перевозить награбленную добычу до схрона, за что получал десяток медяшек, а то и целый серебряный кун. Откровенно говоря, Рум знал почти всех хлынских разбойничков в лицо. А вот этого парня припомнить не мог, хотя тот и не был похож на новичка. Должно быть, опытный «волчара», но из залетных.

Рум решил не забивать себе этим голову и, дождавшись, пока незнакомец усядется в возок, тронул лошадку с места.

– Тихо у вас тут, – сказал седовласый разбойник. – Даже собаки не лают.

Возчик обернулся и проговорил через крутое плечо:

– Половину собак перерезали темные твари, а уцелевшие после заката забиваются под крыльцо и до утра боятся тявкнуть.

Седовласый усмехнулся и передернул плечами. Должно быть, ночная сырость забиралась под плащ и студила его худощавое тело.

– А ты сам-то тварей не боишься? – поинтересовался незнакомец.

Рум покачал головой.

– Не. У меня полные карманы чудных вещей. Коли появится упырь или волколак, суну ему в харю гнилушку-огневик. А против оборотней я каждый вечер выпиваю по два глотка настоя из рысьего ижменя. Даже если оборотень меня тяпнет, сам я в оборотня не обращаюсь. Так-то.

Седовласый усмехнулся и сказал:

– А ты предусмотрительный.

– Есть такое, – в тон ему ответил Рум.

Возок слегка потряхивало на ухабах. Сидящий внутри Глеб Первоход, а это был именно он, беспрестанно кутался в плащ и никак не мог согреться.

Дома медленно проплывали мимо. В какой-то миг Глеб поймал себя на странном ощущении, будто мир этот нереален, а все, что он видит – ночной город, возчик, луна, – лишь части какого-то тягучего, невнятного сна.

«У меня полные карманы чудны?х вещей, – так утешал себя возчик. – Коли появится упырь или волколак, суну ему в харю гнилушку-огневик. А против оборотней я каждый вечер выпиваю по два глотка настоя из рысьего ижменя».

Глеб хмуро усмехнулся. Он прекрасно знал: чтобы спастись от темных тварей, чудны?х вещей и заговоренных настоев мало. Нужно, чтобы само Провидение оберегало тебя от их зубов и когтей. Да и на Провидение особо уповать не следует. Любого ходока, даже самого успешного и удачливого, рано или поздно настигает лютая погибель. Самые везучие погибают быстро, и останки их дочиста обглаживают темные твари или дикие звери. Самые несчастливые – встают после смерти упырями и бродят по лесам и деревням в поисках живой плоти.

Минут двадцать спустя возок остановился.

– Опасный у тебя промысел, – сказал возчику Глеб.

Тот усмехнулся, внимательно взгляделся в лицо Глеба и заявил:

– Не опаснее, чем твой, ходок.

Брови Первохода удивленно приподнялись.

– Почему ты думаешь, что я ходок?

– Это видно.

– Видно?

Возчик кивнул:

– Угу. По глазам. Они у вас иные, нежели у обычных людишек. Недаром говорят, что темные твари – дети Гиблого места, а ходоки – его пасынки.

По лицу Первохода пробежала тень недовольства.

– Уж больно ты догадливый для простого возчика, – сухо проговорил он.

– А кто тебе сказал, что я простой? – прищурился Рум. – Я катаю по городу ночных людей. Простой бы так не смог.

Глеб выбрался из возка и спрыгнул на землю.

– Будь осторожен, ходок, – напутствовал его Рум. – В последнее время в городе очень неспокойно.

– Ты про темных тварей?

– Не только.

– Тогда о ком?

Возчик обернулся по сторонам, затем чуть нагнулся и негромко проговорил:

– Об оживших мертвецах и о тех, кого они с собой приводят.

– Что ты...

– Прощай, ходок! И удачи тебе! Н-но, пошла!

Возок резко рванул с места, круто развернулся и покатил прочь.

Глеб не стал задумываться над словами возницы. Мало ли кто и что говорит.

За три года, проведенные в плену у волхвов, Глеб сильно изменился внешне. Волосы его, прежде каштановые, стали серебристыми. Черты лица обострились, а щеки запали. Восстановиться полностью Глеб не успел и прежней силы пока не чувствовал, однако от слабости, сковавшей его тело сразу после освобождения, не осталось и следа.

– С Богом! – тихо проговорил себе Глеб и зашагал вниз по улице.

«С Богом». Первоход усмехнулся своим словам. Теперь, когда на шее у него висел серебряный крестик Рамона, слова эти приобретали вполне конкретный смысл.

«Интересно, есть ли у христиан какие-нибудь привилегии на этом свете? – подумал Глеб. – Свой собственный ангел-хранитель мне бы сейчас не помешал. Ну, или хотя бы маленький, голозадый ангелок, который смог бы подать мне в бою оброненный меч или швырнуть в лицо врагу горсть песка, пока я поднимаюсь с земли».

«Этот крест – не подарок, – прозвучал у Глеба в ушах мягкий голос толмача-иноземца Рамона. – Когда тебе станет легче, ты мне его вернешь. Если тебе так удобнее, отнесись к нему, как к оберегу».

Глеб стер усмешку с лица и огляделся по сторонам. Никого. Улица по-прежнему была пуста.

В голове у него все еще не было ясности. Там, так же, как и в душе, царила тьма. Мысли и чувства пробивались сквозь эту тьму, как легкие блики света. Но победить тьму они пока были не в силе.

– Эй, паря! – услышал Глеб негромкий голос у себя за спиной.

Глеб опустил руку на кряж меча и обернулся. Из темноты вышли четверо, но не охоронцы. Судя по одежде – ночные душегубы, отслеживающие запоздалых путников или безмятежных бражников, возвращающихся из кабака домой.

Разбойники неподалеку от пыточного дома, у самой городской стены? Странно. В былые времена горожане обходили это место стороной, считая его страшным и нечистым. Видимо, за три минувших года нравы хлынцев сильно изменились.

Глеб молчал, по-прежнему держа пальцы на рукояти меча. Тогда одна из фигур выдвинулась вперед, и Глеб не без удивления понял, что это – баба. Высокая и крепкая, как мужик, в мужицком кафтане и в суконной шапке с загнутыми краями, похожей на те, в которых щеголяют ремесленники.

– Далеко ли собрался? – хрипло спросила она.

Глеб не ответил. Тогда другой разбойник, сутулый, почти горбатый, со злостью проговорил:

- Чего молчишь, старик? Язык проглотил?

- Вид у него боевой, - сказала баба-разбойница. - Гляди-ка, даже меч имеется.

Разбойники засмеялись. Глеб, по-прежнему сжимая в пальцах рукоять меча, чуть-чуть продвинулся вперед, рассчитывая расстояние для удара. Призрачный свет луны осветил его лицо, и один из разбойников удивленно воскликнул:

- Эге, да он не старик! Только голова седая!

Тогда Глеб спросил:

- Что вам нужно?

- Ты чужак и, должно быть, не знаешь, что каждый, кто сюда приходит, должен платить нам мзду, - ответила разбойница.

- За что?

Сутулый незаметно дернул рукавом, и на ладонь ему из рукава выпала гирька кистеня.

- Да ты, я вижу, совсем глупый, - процедила сквозь зубы разбойница. - Я ведь только что сказала - мзду нам платят за проход. Хочешь пройти - плати.

Глеб прищурил недобрые глаза.

- Лучше бы вам уйти, ребята, - сказал он.

Бродяги снова заухмылялись.

- На вид бледный да тощий, а на язык - дерзкий, - определила разбойница.

– Может, мы ему подкоротим язык-то, Нона? – свирепо сверкая глазами, предложил сутулый.

Баба, одетая мужиком, коротко кивнула. И в тот же миг в руках у разбойников появились ножи. Глеб взглянул на сверкнувшие клинки, натянуто улыбнулся и негромко проговорил:

– Я вижу, некоторые вещи остаются неизменными. Даже спустя три года.

– Чего? – хмуро переспросил один из разбойников.

Глеб нахмурился.

– Еще раз говорю вам: уйдите с дороги, и останетесь целы.

И в этот миг разбойница, сжимая в руке широкий нож-косарь, ринулась на него. Глеб молниеносно выхватил меч и одним ударом отсек бабе голову. Голова со стуком упала на подмерзшую землю, и разбойники остановились, раскрыв рты.

– Ты убил ее! – хрипло выдохнул один из них.

Глеб усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– Женщины постоянно теряют из-за меня голову. Ваша подружка не стала исключением.

– Ты уверен, красавчик? – слышался хриловатый голос с земли.

Глеб опустил взгляд и с изумлением уставился на говорящую голову, которая смотрела на него снизу вверх налитыми злобой и кровью глазами. Лежащее рядом туловище зашевелилось и вдруг село на траве, а его правая рука зашарила вокруг в поисках головы, явно собираясь вновь водрузить ее на плечи.

Вот пальцы наткнулись на голову и ухватили ее за волосы, но Глеб не сплеховал – клинок его меча дважды тускло сверкнул в лунном свете. Первым ударом он рассек голову ведьмы надвое, а вторым разрубил ей грудину вместе с сердцем.

Увлеченный борьбой с ведьмой, Первоход не заметил, что с разбойниками тоже произошли страшные метаморфозы. Они сбросили теплые кафтаны, опустили на четвереньки и быстро, всего за какие-то три-четыре секунды, обросли шерстью.

3

«Вот оно что», – понял Глеб, чуть попятившись.

Душегубы были обращенными. Целая банда городских оборотней с ведьмой во главе. Три года назад, до того, как князь Добровол упек Глеба в кошмарную Морию, это было бы невозможно. Определенно, этот мир катится прямиком в ад.

Оборотни окружили Глеба и, лязгая зубами, стали сужать круг. Перед глазами у Глеба слегка помутилось от слабости, в призрачном мороке качнулось лицо девки-колдуньи Лесаны, а ее голос тихо проговорил:

«Это травка-переглядка, Глеб. Встретишь оборотней – дунь им щепотку в лицо».

Оборотни изготовились к атаке, но Первоход опередил их. Ошеломив тварей, он молниеносно прыгнул к одному из оборотней и одним ловким ударом срезал тому ухо. Зверь, взыв, отскочил в сторону.

Оборотни ринулись на Глеба, но он поднял перед собой испачканный черной кровью меч и решительно произнес:

– Заклинаю вас болотным духом, темные твари! Стойте, где стоите!

Оборотни остановились всего на мгновение, но этого мгновения Глебу оказалось достаточно, чтобы выхватить из кармана куртки горстку сушеной, перетертой травы.

Перевернув руку ладонью кверху, Глеб дунул на горстку травяной пыли. Облачко травки-переглядки взмыло в воздух, пролетело полсажени, отделяющие Глеба от оборотней, и опустилось на их морды. Оборотни

вздрагнули и жадно вдохнули траву трепещущими ноздрями.

И вдруг твари заперебирали лапами и стали кружиться, сперва медленно, а потом быстрее. Наконец они завертелись волчками и с каждым оборотом вертелись все сильнее и сильнее. Через несколько секунд вращение стало таким неистовым и быстрым, что обороты превратились в серые смерчи, из которых в стороны летели слюна и шерсть.

Неожиданно это дикое, неистовое вращение резко прекратилось. Голые человеческие тела вылетели из волчьих шкур и полетели на траву. Пустые шкуры, всклокоченные, окровавленные, попадали рядом.

Глеб перевел дух и хрипло проговорил:

- Надо же, подействовало. Ай да колдовская трава!

Затем, не желая терять время, повернулся и зашагал дальше. Через несколько мгновений он уже забыл про выпотрошенных оборотней и всецело сосредоточился на деле, ради которого прибыл к Северной стене.

Когда Первоход отошел на полтора десятка саженей, один из окровавленных, голых мужиков поднял голову, потрянул ею и злобно изрек:

- Вот гад... Едва не вышиб из меня дух.

- Споймать бы... - тихо сказал другой.

- Да леший с ним... - отозвался третий. - Другой хабар найдем.

Все трое уселись на траве и принялись обалдело трясти перепачканными грязью и кровью головами.

- Глызь, а Глызь? - позвал один из них.

- Ну? - отозвался второй.

– А чего это с тобой?

Глызь перестал трясти головой, опустил взгляд и посмотрел на свой голый, запавший живот.

– Вот те на, – изумленно прохрипел он. – Я человек!

Он поднял взгляд на товарища, и удивление на его лице сменилось изумлением.

– Дяк, так ведь и ты тоже!

– Точно! – поддакнул третий, которого звали Глот. – А я? Что со мной?

Двое других уставились на вопрошавшего и выдохнули хором:

– И ты!

Насмотревшись друг на друга, мужики глянули на выпотрошенные волчьи шкуры, лежавшие неподалеку.

– Это что же... – процедил пораженный до глубины души Глызь, – выходит, мы больше не оборотни?

– Выходит, что так, – подтвердил Дяк. – Не знаю, что сделал этот парень, но он исцелил нас.

– Вот это да! – И Глызь вдруг захохотал.

Несколько мгновений Дяк и Глот с удивлением смотрели на товарища, а потом захохотали сами. Три голых, перепачканных кровью мужика сидели на полянке, смотрели друг на друга и хохотали, как дети. Их волчьей жизни пришел конец, и впервые за много месяцев они были счастливы.

Может, кому-то и тяжело жилось в Хлынь-граде, да только не одноглазому барыге по кличке Бельмец. Чем мрачнее и невыносимее становилась жизнь, тем больше люди надеялись на чудо. А где искать чуда, как не у главного перекупщика Хлынь-града? То-то и оно.

Князь Добровол наставил у межи дозоров, удвоил число конных объездчиков. Пробраться в Гиблое место дорожкам становилось все труднее и труднее. Многие не возвращались обратно, а те, что возвращались, приносили одну лишь дрянь. Но на безрыбье и рак рыба, и торговля у Бельмеца не прекращалась ни на день.

Что за беда, коли товар – дерьмо? Главное – уметь его подать. Как ни крути, а любая чудная вещь, по сути своей, великая тайна. И каждого, кто решил прикупить себе немного чуда, Бельмец сразу предупреждал – быть может, вещь принесет счастье, а быть может, великую беду. Решайте сами.

Несмотря на столь зловещее предупреждение, людей, готовых рискнуть, находилось много, и Бельмец день ото дня все больше процветал.

Вот и в этот вечер карманы одноглазого барыги были до отказа забиты плохоньким товаром. Паренек, стоявший перед ним под темной сенью дуба, был уже четвертым покупателем за день. Четвертым – и таким же тупоголовым, как предыдущие три.

Оглядывая сломанную Огневую пику, которую всучил ему Бельмец, паренек уточнил:

– А эта вещь правда поможет против оборотней?

– Еще как поможет, – кивнул одноглазый барыга. – Пока пика у тебя, оборотни и близко не подойдут.

– Это хорошо. – Парень улыбнулся. – Мне в Яров-град на ярмарку ехать, а дорога туда идет через лес. Думал нанять провожатых, но теперь не стану. – Он снова оглядел Огневую пику. Затем уточнил: – А от разбойников она отбиться поможет?

– И от разбойников поможет, – заверил его Бельмец. – Пусть только сунутся – враз испепелит!

– А как пика действует?

– Да все просто. Как только встанет пред тобой разбойник или темная тварь – жми вот на этот бугорок. Но пока не появятся – не жми. Иначе испортишь вещь.

– Странные они, эти чудны?е вещи, – задумчиво проговорил парень, осторожно и бережно покручивая в руках Огневую пика. – И откуда только взялись?

– Сам ведь небось знаешь. Много сотен лет тому назад с неба на землю упала колесница с богами. Точнехонько на Кишень-град. Кишень с тех пор стоит мертвый, а леса вокруг него стали гиблыми.

– Да-да, я помню, – кивнул парень. – По всей гиблой чащобе разбросаны чудны?е вещи, оброненные падшими богами. И рыщут по той чащобе темные твари.

Парень сунул Огневую пика в карман, еще раз горячо поблагодарил Бельмеца и зашагал восвояси.

Барыга проводил парня насмешливым взглядом. Чудная вещь, которую он всучил пареньку, была абсолютно бесполезна и против нечисти, и в бою. Но пареньку об этом знать не обязательно. Пока. Ну, а потом... Бельмец усмехнулся. Потом – суп с котом. Скорее всего, этого заезжего щенка он больше никогда не увидит. А коли увидит, то щенку же хуже. Пусть только попробует сунуться, костей не соберет.

Бельмец представил себе, как парень воюет с напавшими на него упырями и волколаками, и усмехнулся. Легче отбиться от медведя ивовым прутиком, чем от темной твари сломанной пикой. Паренек не вернется, это как пить дать.

Совесть Бельмеца совершенно не мучила. Мало ли кто и от чего гибнет. Жить вечно еще никому не удавалось. Ну, а раз так, то и жалеть людей незачем.

И тут на пути паренька, который не успел еще отойти далеко, встал высокий человек в темном плаще.

- Эй, малый, - окликнул он незадачливого покупателя. - Погоди-ка.

Парень остановился. Человек, окликнувший его, был молод лицом, но седовлас и не по-юному угрюм.

- Чего тебе, дядя? - спросил его парень, недовольно сдвинув брови.

- Ты купил эту вещь у Бельмеца?

- Ну.

- Дай посмотреть! - Незнакомец протянул руку.

Парень отступил на шаг и, вынув из кармана попку, угрожающе поднял ее перед собой.

- Лучше не пробуй, дядя. Это Огневая пика. Задумаешь плохое, нажму на бугорок, и останутся от тебя рожки да ножки.

Незнакомец улыбнулся и вдруг молниеносным движением вырвал чудн?ю вещь из рук парня. Затем нажал пальцем на бугорок, о котором говорил Бельмец, и ничего не произошло.

- Не понял, - удивленно проговорил парень. - Это что же... Она не действует?

- Идем к Бельмецу, - сухо проговорил седовласый незнакомец. - Если кто-то и сможет ответить на твои вопросы, то только он.

Завидев, что покупатель возвращается, да еще и не один, барыга напрягся. Впрочем, особой тревоги он не испытывал. Стоило Бельмецу свистнуть, и тут же из-за угла заброшенного, полусгоревшего амбара появилась бы пара рослых, крепких ребят с мечами наперевес.

Бельмец уже заготовил наглую улыбку, но вдруг лицо его оцепенело.

- Первоход?! - удивленно воскликнул он. - А говорили, ты сгинул в Мории.

- Не сгинул, как видишь, - последовал холодный ответ.

Бельмец сверкнул на Глеба белым глазом, облизнул узкие губы и сказал:

- А ты переменялся. Поседел, отощал. Несладко тебе пришлось в эти три года, верно?

- Верно, - спокойно проронил Глеб.

- Три года назад при одном твоём имени всякий, на кого ты имел зуб, покрывался испариной. Но теперь ты не выглядишь так грозно. Осталась ли в тебе прежняя сила, ходок?

- Хочешь проверить? - осведомился Глеб.

Бельмец прищурил единственный зрячий глаз.

- Зачем мне проверять? Другие проверят. Тут на тебя многие в обиде, Первоход. Многим ты не давал жизни, и никто этого не забыл. Я бы на твоём месте не разгуливал открыто по городу.

Глеб почувствовал раздражение и дернул щекой.

- Хватит болтать, барыга. Пять минут назад ты продал парню вот эту вещь.

Глеб вынул из-за спины Огневую пику и показал её Бельмецу. Тот глянул на вещицу и, усмехнувшись, хотел было отпустить шутку, но встретился с Глебом взглядом и стер едва наметившуюся ухмылку с лица.

- Верно, продал, - нехотя признал он.

- Так вот, эта пика не работает.

- Правда? - Бельмец хмыкнул. - Вот незадача-то. Что ж, бывают оплошности и в моей работе. Слышь-ка, паря, давай пику сюда. А деньги я тебе верну. Не все, конечно, а половину.

- Почему же половину? – удивился парень.

- Потому что другую я уже отдал тому, у кого ее перекупил. Разумеешь?

Парень нахмурился, но возражать не стал. Слишком уж дурная слава шла о барыге Бельмеце. У него всегда можно было разжиться чудной вещью, но вернуть обратно – ни-ни. Это еще удача, что он согласился отдать половину уплаченной суммы.

Парень взял протянутое барышником серебро, сунул его в карман, повернулся и уныло побрел восвояси.

- Подожди меня у колодца, – сказал ему вслед Глеб.

Парень не отозвался.

На этот раз Бельмец не удержался от усмешки.

- Не станет он тебя ждать, Первоход. Уж больно глаза твои холодны и колючи.

Глеб посмотрел на него ледяным взглядом.

- Паренек наверняка продал все, что имел, чтобы купить у тебя Огневую пику. Тебе не совестно?

Барыга пожал плечами:

- Огневая пика – страшное оружие. Кто знает – быть может, парень собирался лютовать на большой дороге? Представь, сколько купцов и странников я только что спас.

Глеб несколько секунд разглядывал Бельмеца в упор, затем вздохнул.

- Не нравишься ты мне, барышник. И никогда не нравился.

- Так ведь и я от тебя не в восторге, ходок.

Ярость горячей, густой смолой закипела в душе Первохода.

Молниеносное движение – и вот уже Бельмец корчится от боли, а пальцы Глеба сжимают его горло. Сила в пальцах ходока уже не та, что прежде: суставы ломит, а сами пальцы вот-вот норовят разжаться, но барыга этого не замечает.

– Пусти... – в ужасе прохрипел Бельмец, выкатив на Глеба белый, незрячий глаз. – Пусти, ходок...

Глеб чуть прищурил темные, недобрые глаза и холодно осведомился:

– Хочешь жить?

– Да... – прохрипел Бельмец. – Хочу...

– Так я и думал. – Глеб разжал пальцы.

Барышник закашлялся, заплевался. Глеб подождал, пока тот прочистит горло, а затем спросил:

– Что у тебя есть? Только говори прямо.

Потирая пальцами покалеченное горло и поморщиваясь от боли, Бельмец сипло изрек:

– Нынче скудные времена. Карманы мои почти пусты.

– Значит, ты не будешь возражать, если я тебя обыщу?

Не дожидаясь ответа, Глеб запустил руки в карманы барышника. Он думал, что Бельмец будет сопротивляться, но тот вдруг сунул в рот два пальца и громко свистнул.

– Дьявол! – выругался Глеб, выпустил барыгу и быстро положил руку на кряж меча.

Из тьмы вышли трое подручных Бельмеца. Все коренастые и крепкие, как дубки. В руках – короткие византийские мечи. Глеб окинул их спокойным взглядом, затем посмотрел на Бельмеца и сказал:

– Вели своим шакалам убираться восвояси. Если через минуту они все еще будут здесь, переломаю тебе ноги.

Бельмец с ненавистью посмотрел на Глеба, но что-то в его лице подсказало барыге, что новая внешность Первохода – обманчива и что исхудавшее тело его по-прежнему полно страшной силы.

Несколько секунд Бельмец размышлял, потом дернул щекой, перевел взгляд на своих телохранителей и неохотно проговорил:

– Отдыхайте, парни.

– Я могу убить его на месте, – сказал самый крепкий из них.

– Не стоит испытывать судьбу, Луд, – отозвался Бельмец. И повторил, повысив голос: – Отдыхайте, я сказал!

Парни, не говоря ни слова, повернулись и растворились во мраке. Глеб снова запустил руки в карманы барыги. Увы, карманы эти были забиты бесполезным мусором. Сломанные Дозорные Рогатки, разряженные Собиратели, сплюснутый золотой шарик против оборотней.

Помимо прочего, была тут и странная полупрозрачная сфера, похожая на мыльный пузырь. Глеб с такой штукой никогда не сталкивался, однако, будучи опытным ходоком, предпочитал не иметь дела с непроверенными чудными вещами.

Вдруг Глеб нащупал в одном из карманов Бельмеца горошину. Вынул, оглядел.

– Перелиц?

– Он почти истаял, – дрогнувшим голосом ответил барыга. – Тебе не пригодится.

Глеб молча положил Перелиц себе в карман.

Поняв, что потерял дорогую вещь, Бельмец сжал кулаки и с ненавистью проговорил:

- По нынешним временам Перелиц стоит целое состояние. Прежде ты не был вором, ходок.

- Верно, - сказал Глеб. - Но я сейчас не при деньгах. Рассчитаюсь с тобой, когда разбогатею.

- Поклянись Хорсом и Семарглом!

Глеб положил ладонь на грудь и сказал:

- Клянусь.

Бельмец обиженно шмыгнул носом.

- Ладно. Знаю, что ты человек слова.

Глеб снова запустил руки в карманы Бельмеца и на этот раз извлек полупрозрачную слюдяную сферу наружу.

- Что это за пузырь? - хмуро спросил он.

- Это-то? - Бельмец небрежно усмехнулся. - Сушило. Брось его в таз с водой, и оно тут же выпьет всю воду.

Глеб взвесил слюдяной пузырь на руке, на секунду задумался, а затем положил его себе в карман. После чего взглянул на сумку-ташку, притороченную к поясу Бельмеца, и спросил:

- Что в сумке?

Одноглазый барыга вздохнул, а затем расстегнул сумку и достал несколько вещей. Глеб узнал Зерцальные скобы и две оловянные бутылочки.

- Это все, что у меня есть, - сказал Бельмец.

- Что в бутылках?

- В темной - мертвая вода, во второй - волколачья кровь.

- Я их забираю.

Зерцальные скобы и обе бутылочки перекинулись в карманы Глеба.

Бельмец ухмыльнулся и недовольно проговорил:

- Гребешь подчистую, ходок? На что тебе все это?

- Пока не знаю, - ответил Глеб. - Сколько я тебе должен?

- Четыре золотых дирхема, - отчеканил Бельмец.

- Постараюсь заплатить до того, как меня убьют. Бывай, барыга!

Глеб повернулся и быстро зашагал прочь. Бельмец угрюмо посмотрел ему вслед и тихо проворчал:

- Живи, Первоход. И береги свою проклятую шкуру. Твоя погибель будет слишком дорого мне стоить.

5

Через высокий забор Глеб перепрыгнул легко. Тело его еще не обрело былую силу, но прежняя кошачья ловкость к нему уже вернулась.

Возле угла здания стоял и мочился на траву охоронец. Глеб подошел к нему сзади, бесшумно вытащил из-за пояса кинжал, размахнулся и хлестко ударил его тяжелой рукоятью по голове. Охоронец не издал ни звука, падая на мокрую землю. Для верности Глеб еще дважды ударил его по темени, затем сунул кинжал в ножны и продолжил путь.

Через несколько минут, обогнув все посты охоронцев и никого при этом не убив, Глеб оказался перед комнатой старшего дознавателя Негоды...

Комната старшего дознавателя вовсе не походила на пыточную. Здесь не было ни дыбы, ни клещей, ни воцеленных веревок. В печи уютно потрескивали березовые поленья, а на столе стоял кувшин с холодным квасом, рядом с которым поблескивала при свете восковых свечей гроздь красного винограда.

Сам старший дознаватель Негода лежал на укрытой медвежьей шкурой скамье, подложив под голову толстую пуховую подушку, и сонно глядел на блики огня, танцующие на полу перед печью.

Это был рослый и крупный мужчина с красным, отечным лицом и рыжеватыми усами. За плечами у дознавателя был долгий, тяжелый день. При прежних правителях работы было меньше. Ни князь Аскольд, ни княгиня Наталья, ни первый советник Глеб Первоход не заставляли его сдирать с людей кожу живьем и уж тем более не превращали лютую казнь в приятное глазу зрелище.

С тех пор, как у княгини Натальи случился последний выкидыш, князь будто обезумел. Он мог часами сидеть в пыточной комнате и с угрюмым любопытством наблюдать, как дознаватели мучают узников, срезая с них лоскутами кожу или прижигая ляжки каленым прутом.

Князь Добровол правил княжеством твердой рукой. Казалось бы, за три года люди должны привыкнуть держать себя в порядке и страхе. Ан нет. Стоило князю Доброволу уйти в запой или затосковать, как людишки тут же начинали шалить.

Скоморохи, напившись браги и меду, горланили по кабакам про князя непотребные песни, а бражники, слушая эти песни, ржали, как кони. Охоронцы, конечно, не бездействовали, но как-то так получалось, что за пару минут до их прихода нарушители порядка бесследно исчезали из кружечных изб. А на все

вопросы охоронцев и княжьих поручиков бражники лишь пожимали плечами и басили:

– Не видели. Не ведаем. – Или того хуже: – Быть – был, а куда девался – Велес его знает.

Этот день тоже не был исключением. С утра князь, опухший от тоскливой и хмельной ночи, пришел в пыточный дом и распорядился растолкать ката и бросить ему на мученье двух узников. Ката растолкать не смогли – живодер с полуночи начинал пить горькую и не просыхал до полудня.

Тогда Добровол призвал к себе старшего дознавателя Негода, дал ему в руки скорняжный нож и велел сдирать с узников кожу. И Негода содрал. Начинал нехотя, но затем, как это частенько бывало, вошел в раж и резал узников со всем искусством, на какое только был способен.

Ушел князь лишь час тому назад, когда у Негоды уже не осталось сил на пытки.

Да, тяжелый был день... Впрочем, не тяжелее других.

– О, боги, как же это утомительно, – устало проговорил Негода. Он взял со стола виноградину, швырнул в рот и повторил: – Утомительно.

Затем раскусил виноградину зубами, усладив язык соком, и устало прикрыл глаза.

Заслышав скрип двери, Негода среагировал почти мгновенно: голова его быстро поднялась с подушки, а рука схватилась за кинжал, лежавший на столе. Но Глеб оказался быстрее. Кулаком правой руки он вышиб из пухлых пальцев Негоды кинжал, а затем ударил дознавателя левым локтем в лицо и опрокинул его обратно на скамью.

– Ну, здравствуй, старший дознаватель Негода, – сухо проговорил Глеб.

Пару мгновений Негода таращился на незваного гостя обескураженным взглядом, затем тряхнул головой, усмехнулся и сказал:

– Ну, надо же. Сам Глеб Первоход пожаловал ко мне в гости. Почему не предупредил заранее? Я бы как следует подготовился к встрече.

Глеб молча сел на лавку, вынул из ножен кинжал и положил его на стол. Дознаватель Негода облизнул разбитые в кровь губы и хрипло спросил:

– Что тебе нужно, ходок? Зачем пожаловал?

На этот раз в голосе Негоды не было ни удивления, ни насмешки, а одна лишь злость.

– Три года назад князь Добровол упрятал меня в темницу Морию, – сказал Первоход. – Ты наверняка об этом слышал.

– Да, – угрюмо ответил Негода. – Я об этом слышал.

Глеб прищурился:

– Что ты слышал о Мории, дознаватель?

– То, что это самое страшное место на земле. И что тем, кто туда попал, нет пути обратно. – Дознаватель глянул на Глеба холодным, неприязненным взглядом и едва заметно усмехнулся. – Теперь я вижу, что последнее утверждение ошибочно.

Глеб поморщился и потер пальцами лоб.

– Мория не так страшна, как ее описывают, Негода, – тихо сказал он.

– Правда? – Дознаватель холодно и неприязненно прищурился. – По тебе этого не скажешь, ходок. Твоя голова бела, будто у старца. А в глазах твоих затаилась пустота. – Негода осторожно облизнул разбитые губы и добавил: – Ты вернулся, чтобы отомстить князю Доброволу?

– Мне нужен мой огнестрельный посох, – сказал Глеб вместо ответа. – Где он?

– Ты говоришь про ольстру? – Старший дознаватель нахмурился. – Не будь безумцем. Даже имея ольстру, тебе не одолеть князя Добровола. Благодаря тебе, у княжьих дружинников теперь есть мушкеты. И поверь мне, они отлично умеют стрелять.

– Кажется, ты не расслышал мой вопрос, – глухо произнес Глеб. – Я спросил: где моя ольстра?

Дознаватель несколько секунд в упор смотрел на Глеба, затем дернул бородатой щекой и проговорил:

– А не пошел бы ты, ходок.

– Неверный ответ. – Кулак Глеба, описав короткую дугу, врезался в челюсть ката.

Негода заморгал глазами, потом мотнул головой и отплюнул кровь. Посмотрел на Глеба снизу вверх и процедил:

– Ты уже не тот, что прежде, Первоход. На тебя и твоих друзей объявлена охота. И я ничего тебе не скажу.

Глеб секунду или две размышлял, потом повернулся к печке и взял кочергу. Воспользовавшись заминкой, Негода попытался вскочить на ноги, но Глеб ударом кулака отправил его обратно на скамью. Затем открыл заслонку и сунул край кочерги в печь.

Негода смотрел на Глеба с испугом и недоверием.

– Ты не сделаешь этого, – убежденно проговорил он. – Ты – охотник на темных тварей. Ходоки не убивают людей.

– Это было раньше. Но ты сам сказал, что теперь я другой. Да и человек ли ты?

Кочерга достаточно раскалилась. Глеб достал ее из печи и повернулся к дознавателю.

- Попробуешь закричать, засуну тебе кочергу в пасть, - предупредил он.

Раскаленный докрасна конец кочерги приблизился к лицу Негоды.

- Хорошо! - хрипло выдохнул старший дознаватель, с ужасом глядя на орудие пытки. - Хорошо, я скажу!

Глеб медленно отвел кочергу от его лица.

- Не нравится мое угощение? - усмехнулся он. - Странно. Я слышал, ты очень любишь подчевать им других. Ну, а теперь отвечай: где моя ольстра?

- Твоя ольстра в соседнем доме, - хрипло выговорил дознаватель. - За молодческой, под самой крышей. Но знай: она под замком, а ключи есть только у князя Добровола и у начальника охоронного дозора.

- Я вышибу дверь, - сказал Глеб.

- Раньше охоронцы вышибут тебе мозги.

Глеб опустил голову и задумался. Он не рассчитывал, что вернуть ружье будет просто. Однако излишние сложности ему тоже ни к чему. Стоит ли игра свеч?

Воспользовавшись задумчивостью ходока, Негода осторожно сунул руку под скамью, нащупал закрепленный на скобах острый нож и бесшумно вынул его из пазов. Взгляд его отвердел, а на щеках вздулись желваки. Один удар должен был решить дело. Старший дознаватель слегка отвел руку, нацелившись в левый бок ходока, чтобы ударить сильно и наверняка.

Нож, сверкнув в свете восковых свечей, стремительно понесся к цели, но не достиг ее. Глеб молниеносно обернулся, отбил руку ката от своего бока, выхватил кинжал и с размаху всадил его Негоде под кадык.

Негода захрипел, во рту у него громко булькнуло, и Глеб едва увернулся от брызнувшего фонтана крови.

– Дурак, – с досадой проговорил Первоход, вынув кинжал и оттолкнув от себя мертвое тело дознавателя. – Какой же ты дурак.

6

Шагнув в коридор, старший дознаватель Негода захлопнул за собой дубовую дверь и повесил на скобы замок. Дважды провернув ключ в замочной скважине, Негода вынул его и сунул в карман. Затем повернулся к двум охоронцам, шагающим ему навстречу с другого конца коридора.

Дождавшись, пока они подойдут ближе, Негода сурово спросил:

– Какого лешего вы здесь ходите? Почему не на улице?

– Так мы погреться, – промямлил один из охоронцев, не глядя дознавателю в глаза.

Несколько мгновений Негода молчал, в упор разглядывая до зубов вооруженных ратников, затем резко велел:

– Ступайте прочь! Смены дожидаться не надо!

Охоронцы недоуменно переглянулись.

– Чего уставились, кретины? – недовольно проговорил Негода. – Убирайтесь к лешему, пока не приказал выбить из вас дерьмо!

Вот это уже было вполне в духе Негоды. Охоронцы повернулись и, ни слова не говоря, зашагали прочь. Они не поняли, что взбрело в голову Негоде, но совсем не горели желанием это выяснять.

Дождавшись, пока они скроются за поворотом, дознаватель Негода повел себя странно. Он прислонился спиной к стене и сплюнул что-то в руку. В тот же миг лицо его задергалось и стало быстро меняться, а рыжеватые волосы начали

быстро выцветать, пока не стали полностью седыми. Секунда-другая, и вот уж не дознаватель Негода, а ходок Глеб устало вытер рукавом потный лоб.

Было мгновение, когда в глазах у Первохода помутилось, и он до крови закусил губу, чтобы не потерять сознание. Но Господь оказался милостив, и приступ слабости быстро прошел. Немного передохнув, Глеб снова сунул в рот Перелиц, поправил на поясе меч и зашагал к выходу.

* * *

В зале молодецкой было пятеро охоронцев, коротавших время между дозорами за игрою в кости. Главным у них был угрюмый, черный, как цыган, начальник Марибор.

Войдя в молодецкую, Негода громко произнес:

– Привет тебе, начальник охоронцев Марибор!

– Здравствуй и ты, старший дознаватель. Зачем явился?

Негода посмотрел на охоронцев, играющих в кости за широким дубовым столом, вновь перевел взгляд на угрюмого охоронца и тихо проговорил:

– Отойдем-ка в сторонку. Есть разговор.

Начальник охоронцев Марибор нехотя поднялся с лавки и подошел к Негоде. Охоронцы, выходящие в ночные дозоры, недолюбливали дознавателей, считая их живодерами и катами, поэтому Марибор смотрел на Негоду с едва скрываемой неприязнью.

– Ну? – недовольно спросил он. – Пошто отвлек?

Негода улыбнулся своей жутковатой, коварной улыбкой и почти шепотом ответил:

– Прослышал я, Марибор, что наверху, возле бывшей молодческой, есть опечатанная комната. А в той комнате хранится огнестрельный посох Глеба Первохода. Это ведь так?

– Ну, допустим, – прогудел Марибор. – И чего дальше?

– Дозволь мне на него взглянуть.

Начальник охоронцев удивленно приподнял черные, косматые брови.

– Зачем тебе это?

– Я старший дознаватель, Марибор. У меня есть свои тайны. Кроме того, я имею право потребовать открыть любую комнату в Хлынь-граде. И ты знаешь, что это так.

Начальник охоронцев еще больше насупился. Он не горел желанием выполнять приказы старшего дознавателя, однако вынужден был признать, что Негода прав. Около года назад князь Добровол, опасаясь заговорщиков, издал «Указ об открытых дверях». В соответствии с этим указом любой княжий дознаватель, имеющий на руках разрешение от старшего дознавателя Негоды, мог войти в любую дверь княжества, не спрашивая на то разрешения хозяев.

Несколько мгновений начальник охоронцев Марибор свирепо шевелил бровями, усмиряя поднявшийся в груди гнев, затем вздохнул и нехотя признал:

– Твоя правда, дознаватель. Ты можешь войти в любую дверь. Хочешь ли ты, чтобы я отвел тебя туда сейчас?

– Да, – ответил Негода. – Я этого хочу.

Марибор, ни слова не говоря, повернулся и зашагал к шкафу, стоявшему в углу. Обогнул стол с охоронцами, подошел к шкафу и достал из кармана ключ.

Все это время старший дознаватель терпеливо ждал у двери. Пару раз лицо его вдруг начинало странно подергиваться, и тогда Негода отворачивался к двери, закрывал глаза и, взяв волю в кулак, заставлял себя успокоиться.

Наконец Марибор вернулся со связкой ключей в руке.

- Идем, дознаватель, - небрежно проронил он, открыл дверь и первым шагнул в коридор.

Шли бойко. Охоронцы, попадавшие на пути, почтительно кланялись Марибору и скользили по лицу дознавателя Негоды неприязненными взглядами. Наконец свернули к каменной лестнице и стали быстро подниматься вверх, минуя пролет за пролетом.

Несколько минут спустя Марибор и Негода стояли в оружейной комнате.

- Ну, как? - с хмурой усмешкой поинтересовался Марибор. - Нравится?

Негода внимательно осмотрел ольстру. Проверил затвор, спусковой механизм, магазин.

- Надо же, - удивленно проговорил он.

А удивляться было чему. Ольстра, пролежавшая на полке три с лишним года, была не только смазана маслом, но и заряжена. Пули с примесью белого железа, патроны с дробью - оба магазина были полны. Кроме того, в небольшой кожаной сумке, стоявшей тут же, на полке, было еще полтора десятков патронов.

Марибор, глядя на то, как сноровисто управляется Негода с ольстрой, подозрительно сдвинул брови и проговорил глухим, недоверчивым голосом:

- Вижу, тебе и раньше доводилось держать ольстру в руках.

- Было дело, - глухо отозвался старший дознаватель.

Покрутив оружие в руках, он повернулся к Марибору и сказал:

- Я изымаю у тебя ольстру.

По лицу начальника охоронцев пробежала тень. Он сдвинул брови и прорычал:

- Не знаю, полномочен ли ты это сделать, старший дознаватель Негода. Ольстру оставил на сем месте князь Добровол. Иногда он приходит сюда и любятся ею.

- Любуется? - Негода усмехнулся. - И только-то?

Лицо Марибора еще больше потемнело, а глаза превратились в две черные холодные прорези.

- О чем это ты, дознаватель?

- Неужели князь ни разу не пробовал из нее стрелять?

- Нет. Но он приказал содержать ее в чистоте и порядке. Так, как содержатся в Оружейных палатах мушкеты княжьих стрельцов.

Несколько мгновений дознаватель и охоронец пристально смотрели друг другу в глаза. Потом Негода облизнул губы и сказал:

- И все же я забираю ольстру. Если ты недоволен, пошли своего человечка к князю. Будь уверен, пресветлый князь подтвердит мои полномочия.

Посчитав дискуссию законченной, дознаватель Негода закинул ружье на правое плечо, а сумку с патронами - на левое, и повернулся к двери. Однако Марибор все еще стоял у него на пути, и вид у охоронца был угрюмо-задумчивый.

- А что, если я не дам тебе вынести ольстру из комнаты? - медленно проговорил он.

- Тогда ты помешаешь важному и срочному расследованию, - холодно отчеканил Негода. - Расследованию, которое я веду по прямому указанию князя. Не думаю, что князю это понравится, но ты можешь попробовать.

- Гм... - Марибор сдвинул брови и задумался. Навлечь на себя гнев князя Добровола ему не хотелось. Это было не просто опасно, а смертельно опасно.

Недели три назад один молодой охоронец споткнулся о камень и налетел на князя головой по время шествия по Сходному мосту. Налетел не сильно, лишь боднул пресветлого чуток лбом в спину, но князь, ни слова не говоря, вынул из ножен кинжал и воткнул его парню в глаз. А потом продолжил шествие – так, будто ничего не случилось.

А в прошлую зиму князь Добровол за что-то осерчал на двух рабынь-наложниц. По приказу князя девок раздели донага, привязали к коням и протащили в таком виде через весь город, прямо по сугробам, буеракам и камням. После сего истязательства истекающих кровью девок швырнули в овраг, где их растерзали бродячие псы.

Лют был князь Добровол во гневе, очень лют. А вспыхнуть мог от любого пустяка.

– Ладно, – выдохнул наконец Марибор. – Твое право, дознаватель. Я тебе перечить не стану.

Начальник охоронцев посторонился, выпуская Негодю из комнаты, а следом вышел и сам. Захлопнул дверь, навесил замок, потом еще один, запер замки, сунул ключи в карман и, повернувшись к дознавателю, осведомился:

– Куда ты понесешь ольстру?

– В пыточный дом, – ответил Негода.

– Вот как? Отчего же ты не взял с собою стражу?

Негода растерянно нахмурился, но Марибор положил ему на плечо тяжелую длань и миролюбиво проговорил:

– Не беда. Я сам провожу тебя до пыточного дома.

– Но...

– И не возражай. Ольстра слишком ценна, чтобы носить ее одному. Либо так, либо никак.

– Что ж... – Негода отвернулся, и по его побледневшему лицу пробежала судорога. – Тогда идем.

И два недруга-начальника вместе зашагали по гулкому коридору.

7

На улице похолодало. Дул резкий ветер, заставляя Негоду поеживаться. Марибор же, казалось, не замечал ветра. Он был широк и тверд, как скала, и так же несгибаем.

На полпути к пыточному дому Негода вдруг остановился и пошатнулся.

– Что с тобой? – сухо осведомился охоронец.

Негода вскинул руку к лицу и хрипло проговорил сквозь прижатую к лицу ладонь:

– Нет... Ничего...

Он не договорил, снова пошатнулся и вдруг громко застонал. Волосы его стали стремительно белеть, а верх лица, не прикрытый ладонью и освещенный призрачным и тусклым светом луны, задергался, словно под кожей у дознавателя забегали жуки.

Марибор, еще не осознав до конца, что происходит, схватился за кряж меча. Однако Глеб оказался быстрее. Отняв руку от изменившегося лица, он прыгнул вперед и боднул охоронца головой в грудь. Тот не упал, лишь шагнул назад, но машинально отдернул руку от меча. Воспользовавшись этим мгновением, Глеб выхватил свой меч и рубанул Марибора клинком по ноге.

Начальник охоронцев вскрикнул и повалился на землю. Штанина на его раненой ноге быстро промокла от крови. Глеб приставил конец меча к его груди и уверенно отчеканил:

– Сиди, где сидишь, Марибор, и останешься жив!

Начальник охоронцев мрачно взглянул на Глеба снизу-вверх.

– Выходит, ты сумел выбраться из Мории, ходок?! – прорычал он. – Видно, тебе помогают злые духи, раз ты сумел прийти сюда.

– Может, злые. А может, и добрые.

– Добрые? – Марибор скривился от боли в ноге и ухмыльнулся. – Ты убивал княжьих ратников. А они не слишком-то похожи на темных тварей.

– Верно. Но они воины, и смерть – часть их работы.

Марибор попробовал шевельнуть ногой, зашипел от боли и прищурил холодные глаза.

– Тебе их совсем не жалко, ходок?

Глеб не ответил. Глянув на лужу крови, растекающуюся от ноги охоронца, он сказал:

– Перетяни бедро ремнем, если не хочешь остаться без ноги.

Марибор ощерил желтоватые зубы.

– Зачем мертвецу нога?

– Ты не мертвец.

Начальник охоронцев качнул цыганской головой.

– Ты украл ольстру, – сказал он. – Князь мне этого не простит. Лучше добей меня пред тем, как уйти. Не хочу подохнуть на дыбе.

Глеб понимал, что Марибор прав. Милосердия ради он должен был добить здоровяка. Но убить раненого и поверженного врага... на это у Глеба не хватало духу.

- Знаешь... - сипло начал он. - Я не стану тебя...

В это мгновение ветер переменился и подул в сторону сторожевого дома охоронцев.

- Измена! - рявкнул Марибор. - Измена-а-а!

Глеб ударил охоронца мечом по голове, и Марибор захлебнулся собственным криком. Но было уже поздно. В сторожевом доме проревел охотничий рог, служащий сигналом тревоги.

Глеб быстро вытер окровавленный меч о чистую штанину мертвого охоронца, вложил меч в ножны, повернулся и, придерживая одной рукой перевязь с ножнами, в другой - ольстру, побежал к забору.

Через забор он перепрыгнул с трудом, а приземлившись по ту сторону, едва не потерял равновесие и не ткнулся лицом в траву. Усталое тело болело, а суставы ныли, требуя отдыха. По лицу то и дело пробегали болезненные судороги - последствия применения Перелица, позволившего Глебу изменить внешность и похитить ольстру.

Слегка прихрамывая, Первоход побежал прочь от забора. Однако не успел он пробежать и полверсты, как в отдалении послышались крики охоронцев и собачий лай. Должно быть, они обнаружили тело Марибора и совершенно очевидно - пустили по следу Глеба сторожевых псов.

- Дьявол, - процедил Первоход сквозь сжатые зубы и ускорил бег.

Желания встретаться с огромными овчарками у него не было никакого. Однако встретиться пришлось. Огромные лохматые звери быстро нагнали беглеца.

Один из псов резко рванулся вперед, пробежал несколько саженей большими скачками и взвился в воздух. Однако, прежде чем зубы пса коснулись горла

Первохода, ходок молниеносно рубанул зверя мечом по груди. Пес рухнул к ногам ходока с развороченной грудью и попытался укусить беглеца за сапог. Глеб отдернул ногу и сильным ударом меча добил пса.

Но к нему уже неслись еще два зверя. Свистнул, рассекая воздух, меч. Первый пес с громким визгом отлетел в сторону, разбрызгивая потроха. Второй ткнулся мордой в землю и оцепенел.

Глеб вытер рукавом потный лоб. Скоро весть о похитителе «громового посоха» разлетится по всему городу. Князь Добровол не настолько глуп, чтобы не сложить в уме два и два. Он и его советники сразу поймут, что Глеб Первоход вернулся в Хлынь, а поняв, поднимут на ноги всех дружинников и охоронцев.

Теперь нельзя было терять ни минуты.

8

Глеб не просто так выбрал этот вечер для решающего удара. Он знал, что каждый четверг князь пирует со своими военачальниками в пиршественном зале. Пиршественный зал находился над подвалами, стены в нем были выложены из гранита и облицованы малахитом, а дубовые двери были так толсты и мощны, что, даже прикинув к ним с другой стороны ухом, никто бы не смог расслышать, о чем князь толкует за трапезой со своими военачальниками и боярами.

Пиршественный зал был настоящей звуконепроницаемой крепостью. Однако, будучи когда-то первым советником княгини Натальи, Глеб подробно и тщательно обследовал огромный княжий терем и знал в нем все тайные ходы. В том числе и такие, о которых не догадывались ни князь Добровол, ни сама княгиня Наталья.

Один из этих ходов, тайный, подземный, прорытый еще лет двести назад, а лет сто назад благополучно позабытый, вел от высокого забора, огораживающего двор, к княжьим бертьяницам, где хранились зерно, колбасы, кожи и вино.

Этим-то подземным ходом и воспользовался Глеб, чтобы проникнуть в терем.

Пир уже начался. Столы были расставлены в три ряда. Подле них стояли дубовые скамьи, накрытые шкурами. Трон самого князя был заботливо укрыт мягким персидским ковром. Пиршественная посуда сверкала в свете сотен свечей – золоченые ковши были щедро украшены жемчугом, а винные кубки были сплошь из серебра.

Пир явно длился уже более получаса, однако князя Добровола во главе стола Глеб не увидел. Должно быть, «пресветлый и всемогущий властелин» сидел в углу, за китайской ширмой, где для него был приготовлен отхожий горшок с позолоченным стульчаком. Остальным бражникам полагалось справлять нужду во дворе, и только князь мог делать это, не покидая пиршественного зала.

Вскоре холопы с пустыми кувшинами и блюдами зашагали к бертьяницам за добавкой, а следом за ними захромал распорядитель-кравчий. Это был здоровенный, костлявый мужик с плешивой головой и белесой, всклокоченной бородкой.

Глеб пропустил холопов мимо, дождался пестро разодетого кравчего, быстро схватил его за шиворот, прижал к себе и накрыл ему рот ладонью.

– Тихо, – шепнул он в красное ухо кравчего. – Крикнешь – умрешь. Промолчишь – останешься жив. Понял меня?

Хромой верзила скосил глаза на Глеба и кивнул. Глеб убрал ладонь с губ кравчего и тихо спросил:

– Сколько за столом гостей?

– Две дюжины, – сипло ответил кравчий, быстро сообразив, что с человеком, который так легко проник в пиршественный зал, миновав четыре заслона охоронцев, шутки плохи.

– Отчего так мало? – спросил Глеб.

– После очередного выкидыша у княгини Натальи князь разлюбил шумные пиры.

– Ясно. А воевода Бранимир там?

– Да.

– Сотники?

Кравчий наморщил лоб и ответил:

– Десятеро.

– Кто остальные?

– Дворовые бояре и их слуги. – Кравчий вновь покосился на Глеба и сглотнул слюну. – Кто ты, парень? На печенега али хазара не похож.

Глеб не ответил. Прикинув в голове дальнейшие действия, он распорядился:

– Поди к двери и закрой ее за холопами.

– Так ведь будут стучать, – неуверенно возразил кравчий.

– Пусть стучат. Ступай.

Кравчий заковылял к двери, ведущей к бертьяницам, и закрыл ее. Потом нагнулся, поднял с пола дубовую балку и положил ее на железные скобы. Обернулся и посмотрел на Глеба, ожидая дальнейших распоряжений.

– Снимай одежду, – сухо сказал Первоход.

– Чегось?

– Снимай одежду. И поживее.

Кравчий нахмурился, но и на этот раз не осмелился спорить с человеком, на боку у которого висел меч, а из-за плеча торчал срезанный приклад мушкета.

В пиршественный зал князь строго-настрога воспрещал входить с оружием. Исключение делалось только для воеводы Бранимира и самых преданных сотников. Кравчий это прекрасно знал. Знал это и Глеб.

Наконец верзила-кравчий стянул с себя светлый плащ, парчовую куртку и красные атласные штаны, оставшись в одних портках.

– Молодец, – похвалил его Глеб. – А теперь развернись.

Кравчий повиновался беспрекословно. Дождавшись, пока он повернется спиной, Глеб вынул из ножен кинжал и ударил кравчего по лысоватому затылку тяжелой наборной рукоятью. Затем подхватил падающего верзилу под мышки и аккуратно уложил на пол.

На то, чтобы переодеться в пеструю одежду распорядителя, ушло меньше минуты. Когда все было готово, Глеб понадежнее упрятал меч и ольстру под плащ, вышел в гудящий двумя дюжинами мужских голосов зал, пересек его быстрой походкой и подошел к дубовым створам, ведущим в соседнюю проходную комнату, а из нее – в широкий теремной коридор.

Как Глеб и предполагал, никто из присутствующих не обратил на него внимания. Большие гости были заняты трапезой, разговорами и возлияниями.

Остановившись у двери, Первоход поднял руки и, стараясь действовать как можно тише, проверил запоры, потом выхватил из-под плаща меч и ольстру и развернулся лицом к пиршественным столам.

Новый приступ слабости заставил Глеба покачнуться. Он стиснул зубы и полоснул себя по руке лезвием меча. Острая боль заставила туман перед глазами рассеяться, и прежде чем зрение полностью вернулось, Глеб громко прокричал:

– Добровол!

Ходоку пришлось еще дважды выкрикнуть княжье имя, прежде чем гул голосов затих и в зале воцарилась тишина. И тут брови Глеба съехались на переносице. Князя Добровола за столом по-прежнему не было, но и закуток за китайской ширмой, который просматривался от двери насквозь, был пуст.

Когда Глеб перевел взгляд на военачальников, воевода Бранимир и четыре его сотника уже сжимали в руках мечи и свирепо смотрели на незваного гостя. Страх у них в глазах не было, только удивление и ярость.

Воевода Бранимир был крупным седобородым мужчиной с широким лицом, испещренным шрамами. Кольчуги на нем не было, только роскошная светлая ферязь, подпоясанная широким золоченым поясом.

Сотники были одеты так же, только пояса на них были серебряные, а сами они выглядели лет на десять моложе воеводы.

– Кто ты такой и почему пришел в пиршественный зал с оружием? – грозно рявкнул Бранимир.

– Мое имя Первоход! – так же громко ответил Глеб. – Меня не было в княжьем граде три года, но многие из вас отлично меня помнят!

По залу пробежал ропот, военачальники обменялись удивленными взглядами. Первоход тем временем окончательно понял, что совершил ошибку. Князя Добровола в пиршественном зале не было, а рискованная и тщательно просчитанная вылазка Глеба лишалась всякого смысла.

«Какого лешего я вылез? – с отчаянием, злобой и горечью подумал он. – Видел ведь, что Добровола нет!»

Да, видел. И уверил себя, что князь за ширмой. Просчет, который можно объяснить лишь приступом слабости и связанным с ним помутнением сознания.

Глеб, по-прежнему сжимая в руках меч и обрез ружья, чуть повернул голову и покосился на дверь у себя за спиной. На смену злобе и отчаянию пришла тоска. Единственный шанс на успех упущен. Другого, возможно, не будет.

Глеб собрал волю в кулак и крикнул:

- Где Добровол?! Почему его нет в пиршественном зале?!

Воевода и вооруженные сотники перешагнули через лавки и двинулись на Глеба. Лица их были словно высечены из гранита, а глаза блестели холодным, безжалостным блеском. Глеб спокойно поднял ольстру и нажал на спусковой крючок. Гроыхнул выстрел. Пуля сбила со стола свечу, пробила насквозь бочонок с вином и высекла искры из каменной стены за спиной у воеводы.

Ратники остановились. Вот теперь они готовы были слушать.

- Воевода Бранимир, опусти оружие! - властно и громко приказал Глеб. - И вели своим сотникам бросить мечи и лечь животами на пол!

На широком, испещренном шрамами лице воеводы не дрогнул ни один мускул.

- Как посмел ты ворваться с ольстрой в пиршественный зал?! - пророкотал он, испепеляя Первохода гневным взглядом.

Тон воеводы был презрительным и надменным, и Глеб почувствовал, как в душе у него горячей волной поднимается гнев.

- Вели им лечь на пол, если не хочешь, чтобы я убил вас всех, - отчеканил Глеб. - Ну!

Воевода чуть прищурил серые глаза и качнул седобородой головой.

- Ты не посмеешь, ходок.

- Правда?

Глеб сунул меч в ножны и достал из кармана штанов кожаный мешочек с огненным зельем, начиненный железной шрапнелью. Затем протянул руку, поднес мешочек к пламени свечи и запалил фитиль. По залу вновь пронесся ропот. Сотники смотрели на Глеба молча и холодно, но глаза домовых бояр наполнились страхом.

– Когда фитиль догорит, будет взрыв, – безжалостным голосом сообщил Глеб. – И он будет столь страшен, что в сравнении с ним взрыв пушечного ядра – просто детская шалость.

– Ты врешь! – пророкотал воевода.

– Да ну? – Глеб прищурился. – Кажется, ты забыл, кто изобрел вам все эти мушкеты и пушки. Ты говоришь не с простым ходоком и не с бездомным бродягой. Ты говоришь с Глебом Первоходом. А теперь вели своим людям лечь на пол, пока бомба не взорвалась.

Воевода несколько секунд смотрел на тлеющий фитилек бомбы, потом нервно повел подбородком и приказал:

– Сотники, делайте, как он велит!

Подчинились сотники беспрекословно. Швырнули на пол мечи, а затем и сами распластались на широких листовенничных досках. Глеб вперил взгляд в лицо воеводы и повторил свой вопрос:

– Где князь Добровол? Почему его нет в зале?

– Его нет не только в зале, ходок. Его нет во всем тереме. Нет и не будет еще несколько дней. Ты ошибся и проиграл. Признай это и сдайся. – Несколько секунд воевода молчал, потом насмешливо посмотрел на ольстру и проговорил: – Неужели ты думаешь, что мушкет поможет тебе?

– До сих пор помогал, – сказал Глеб.

В этот миг самый молодой из сотников вскочил на ноги и со скоростью рыси прыгнул на Глеба. Прогремел выстрел, и сотник рухнул на пол с простреленной грудью. Глеб посмотрел на труп сотника и мрачно изрек:

– Некоторым проще умереть, чем поверить в очевидное.

Горячая волна гнева вновь захлестнула Глеба. Желание расправиться с ратниками было почти непреодолимо. Палец Первохода вновь лег на спусковой крючок. Он двинул в сторону головой, разминая шею, и тут что-то укололо его в ключицу. Глеб не сразу понял, что это, а когда понял, нахмурился: это был серебряный крестик Рамона.

Несколько мгновений Глеб стоял неподвижно, потом медленно опустил ольстру.

– А теперь, вояки, делайте, как я скажу! – прорычал он. – И если посмеете меня ослушаться... Я убью вас всех!

* * *

Выйдя из терема, Глеб сунул ольстру в кобуру и двинулся дальше. Сильный северный ветер гнал по черному небу серые обрывки туч, охапками сбивая листья с берез.

В отдалении, у костерка, стояли, надвинув шапки на уши и втянув головы в воротники кафтанов и кожухов, замерзшие охоронцы.

Холод, неизвестность и мрачная пустота в душе навевали на Глеба мрачные мысли. Вечер был слишком богат на события и сильно истощил его. Бояр, слуг и ратников Первоход оставил в пиршественном зале, на полу, связанными по рукам и ногам. Рты их были заткнуты кляпами, сделанными из распоротых рушников.

Однако Глеб не успел пройти и двадцати шагов по теремному двору, как вдруг охоронцы встрепенулись, а из-за высокого забора донесся звук трубы. Едва Первоход успел укрыться за одним из сарайчиков, как широкие ворота распахнулись, и во двор въехал князь Добровол в окружении всадников с мушкетами. Судя по неровной посадке, князь был пьян.

«Должно быть, вернулся из Порочного града», – пронеслось в голове у Глеба.

Князь Добровол сидел на огромном, толстоногом коне. Меч его, усыпанный драгоценными камнями, бился по бархатному чепраку. Небрежно швырнув поводья подбежавшему слуге, Добровол слез с коня и любовно похлопал его

ладонью по шее. Перстни, отразив свет костра и факелов, ярко брызнули на пальцах Добровола.

И в этот миг Глеб открыл огонь. Три стрелка Добровола, не успев достать мушкеты, слетели с коней и рухнули в грязь. Еще четверо успели запалить фитили, но Глеб не дал им времени прицелиться. Когда мушкеты выстрелили, сами стрелки уже лежали на земле бездыханными.

Оставшимся Глеб крикнул:

– Опустите мушкеты, стрельцы!

Двое не подчинились. Глеб вскинул ольстру к плечу и первым же выстрелом размозжил одному из них голову. Второй предпочел не искушать судьбу, швырнул мушкет на землю и поднял руки.

Глеб перевел взгляд на князя Добровола. Тот стоял посреди двора, среди окровавленных тел стрелков, и смотрел на Глеба. Плотный, осанистый, густобородый, князь был бледен, но во взгляде его не было ни удивления, ни испуга.

– Я ждал тебя, ходок, – проговорил он раскатисто и властно. – Ждал с того самого дня, когда узнал о твоем побеге из Мории.

– Тогда ты знаешь, что будет дальше! – так же громко отозвался Глеб. – Я пришел тебя убить, Добровол.

Князь усмехнулся в каштановую бороду и слегка качнул головой:

– Нет, ходок. Ты пришел со мной поговорить. И поверь: мне есть, что тебе сказать.

Глеб продолжал держать Добровола на прицеле. Тогда князь широко усмехнулся и сказал:

– Ты скверно выглядишь, ходок. Мория высосала из тебя все соки. Должно быть, тебе трудно держать в руках ольстру. Что, если мы пройдем в терем и сядем за

стол? Я прикажу подать нам лучшего вина и самых вкусных закусок.

– Ты, видать, и впрямь сошел с ума, если думаешь, что я сяду с тобой за стол, – холодно проговорил Глеб.

– Вот как? – В бороде Добровола вновь тускло сверкнула улыбка. – Ну, тогда давай, убивай меня. Ну же! Стреляй!

Глеб медлил.

– Что же ты не стреляешь, ходок? Не хватает духу убить своего князя? – Добровол усмехнулся и обвел насмешливым взглядом притихших стрельцов и челядь. – Вы видите? – громко и спокойно произнес он. – Сам Глеб Первоход, о котором рассказывают так много сказок, не решается меня убить! Воистину, я, а не он, – избранник богов!

Добровол засмеялся, затем вновь посмотрел на Глеба и сказал:

– Опусть свой мушкет, ходок. Ты способен на многие чудеса, но все они ничто пред моей властью. И пред моей волей.

Глаза Глеба заволокло гневной пеленой, но руки, которым и впрямь тяжело было держать ольстру, подвели. «Громовой посох» медленно опустился.

– Вот так, – кивнул князь Добровол. Он глянул на своих стрелков и презрительно проговорил: – Поднимите свои мушкеты, ратники. И не дрожите. Мое слово разит сильнее ольстры, а пред моею властью все стрелы и пули – вздор.

Глеб стоял перед своим врагом, растерянный и обескураженный, не понимая, что с ним произошло и почему, черт возьми, он не смог нажать на спусковой крючок.

– А теперь ступай за мной в терем, Первоход, – приказал Добровол. – А вы... – он небрежно глянул на челядь, – ...уберите здесь.

Они сидели в маленькой горнице, которую Добровол назвал «моей темницей». Князь – в кресле, накрытом мягкой рысьей шкурой, Глеб – на жесткой резной скамье.

Добровол первым нарушил долгое молчание:

– Ну? И что ты скажешь, Первоход?

– Я убил половину твоего «убойного отряда», – сказал Глеб ледяным голосом.

Князь дернул упитанной щекой и небрежно проговорил:

– Вздор, наберу новых. Пред тем как я отправил тебя в Морию, ты щедро меня одарил. Нет в мире власти прочнее той, которая держится на мушкетах и пушках. Воистину ты самый великий мастер на земле, раз сумел упрятать в их стволы столь могучую силу.

Глеб никак не отреагировал на этот насмешливый комплимент.

– Почему я не смог тебя убить? – сухо спросил он.

Добровол достал с шеи гайтан, на котором висел небольшой костяной амулет, и показал его Глебу.

– Узнаешь? Это амулет богини Сорни-Най, которой поклоняются лесные люди. Это ведь она отправила тебя из далекого грядущего в наш скудный «средний» мир.

Глеб удивленно приподнял брови.

– Я думал, ты не веришь в эти сказки, Добровол.

Князь усмехнулся.

– Я верю во многое такое, что более ограниченные умы считают ерундою и вымыслом. И, как ты уже знаешь, моя вера сделала меня самым великим властителем в этой части мира. Но речь сейчас не об этом. Богиня Сорни-Най может отправить тебя обратно, в твоё время.

– Откуда ты это знаешь?

Добровол усмехнулся.

– Не один ты обращаешься за помощью к великим вещуньям.

– Тебе все это рассказала Голица?

– А разве она единственная вещунья в нашем княжестве?

Глеб на мгновение замер, а потом с угрюмой недоверчивостью спросил:

– Хочешь сказать, что встречался с ведьмой Мамелфой?

– Она не просто ведьма. Она – самая великая из всех ведьм.

Глеб качнул головой. Затем прищурил темные, глубоко запавшие глаза.

– Мамелфа никогда и никому не помогает за просто так. За свою помощь она берет плату, и плата эта страшна.

– Правда? – Князь хмыкнул. – Как знать, возможно, для меня она сделала исключение.

– Ты отдал ей свое живое сердце в обмен на мертвое? Отвечай мне, Добровол! Твое сердце мертво? Это оно выморозило твою душу и превратило тебя в безжалостного зверя?

– В безжалостного зверя? – Зрачки князя сузились. – Это ты говоришь обо мне? Двор перед теремом усеян мертвецами. И всех этих людей убил ты. Ты, а не я!

Глеб молчал.

– Ты думал, что наше княжество поражено болезнью, – продолжил Добровол, снисходительно глядя на ходока. – Ты хотел его вылечить, ходок. И у тебя получилось. Ты хороший лекарь, Первоход.

Глеб вытер рукавом сухие, потрескавшиеся губы, взглянул Доброволу в глаза, усмехнулся и проговорил сипловатым голосом:

– Я не лекарь. Я боль.

Князь откинулся на спинку кресла и засмеялся. Потом смахнул с глаз выступившие слезы и сказал:

– Амулет Сорни-Най у меня, ходок. Поэтому ты и не смог меня убить. И от меня зависит, вернешься ты домой или нет. Я – твой повелитель.

Глеб несколько секунд молчал, затем холодно процедил:

– Не слишком ли много ты на себя берешь, Добровол?

– Не больше, чем могу унести, – в тон ему ответил князь. – Я отдам тебе амулет Сорни-Най, ходок. И ты сможешь вернуться домой, когда пожелаешь. Амулет исполнит твоё желание.

– Но ты не отдашь мне его просто так. Что я должен сделать?

Добровол приосанился, приподнял голову и небрежно обронил:

– Послужи мне, Первоход.

Брови Глеба приподнялись.

– Я не ослышался? Ты хочешь, чтобы я стал твоим слугой.

– Ты не ослышался, ходок. Ты лучший «охотник за головами» из всех, кого я знал.

– Я охочусь лишь на головы темных тварей.

– Верно, – кивнул князь. – Именно поэтому я обращаюсь к тебе. Прежде чем мы продолжим разговор, я хочу, чтобы ты кое на что взглянул. – Добровол поднялся с кресла. – Следуй за мной, Первоход.

– Куда?

– В подвал. И приготовься. Зрелище будет неприятное.

11

Князь Добровол не обманул Глеба, когда говорил, что зрелище будет неприятным. Не обманул – просто слегка «смягчил краски».

Помещение, в которое князь привел Глеба, было раза в два меньше пиршественного зала. Каменные стены покрыты изморосью. Несколько березовых и смоляных факелов, воткнутых в железные скобы, тускло освещали ряд дубовых столов, на которых лежали (как вначале показалось Глебу) большие свертки.

Едва переступив порог зала, Первоход поморщился от тяжелого, неприятного запаха.

– Чем здесь воняет? – спросил он.

Князь Добровол усмехнулся:

– Сейчас сам все увидишь.

Впустив Глеба и войдя вслед за ним, он плотно притворил за собой дверь, затем повернулся лицом к комнате и громко окликнул:

- Прехвал! Куда ты подевался, подлый лекаришко?

В углу, на лавке, зашевелилось что-то темное. Приглядевшись, Глеб понял, что это человек. Тощий, с растрепанными волосами и такой же растрепанной скудной бороденкой. Человечек сел на лавке и потер кулаками глаза.

- Прости, княже, - проговорил он тонким, сипловатым голосом. - Кажись, я задремал.

Тощий человечек отнял кулаки от глаз, взглянул на Глеба, близоруко прищурился и спросил:

- Кто это с тобой, пресветлый князь?

- Это мой гость, - ответил Добровол. - Его зовут Глеб Первоход.

Тощий поднялся на ноги. Вынул из железной скобы факелок и поджег еще два, прикрепленных рядом. В зале стало светлее. Тощий сунул факелок за скобу и вновь повернулся к вошедшим.

- Прости, пресветлый князь, - с глумливой усмешкой проговорил он, - но мне нечем попотчевать твоего гостя. Если, конечно, твой гость не питается мертвечиной.

Тощий хихикнул, и князь Добровол неприязненно скривился.

- Гляди, чтоб твои шутки не довели тебя до беды, Прехвал.

Тощий человечек стер ухмылку с лица и подошел к князю. Одет он был в заношенный шерстяной подклад и кожаный фартук, забрызганный чем-то белым.

- Этот шутник - мой лекарь Прехвал, - сказал Добровол, обращаясь к Глебу. - Не смотри, что выглядит как шут. В лекарской науке этому скомороху нет равных.

Остановившись перед Глебом, лекарь оглядел его с ног до головы, откинул с высокого, шишковатого лба прядку реденьких волос и весело проговорил:

– Так значит ты – Первоход? Тот самый, который сварил целебное снадобье из обычной плесени? Приятно с тобой познакомиться, ученый муж.

Он протянул Глебу руку, и тот без особого энтузиазма ее пожал. Ладонь у лекаря Прехвала была тощей, холодной и липкой, но пожатие – на удивление крепким.

Покончив с приветствием, Глеб осмотрел столы, на которых под грязными покрывалами было разложено что-то большое, затем покосился на князя и спросил:

– Зачем мы здесь?

Добровол, не отвечая ему, снова обратился к своему лекарю:

– Прехвал, я ничего ему не рассказывал. Хотел, чтобы он сперва посмотрел.

– Правильно сделал, княже. Тому, что здесь лежит, нет названия.

– Тогда покажи ему все, а я зайду после.

Добровол вышел из зала. Лекарь Прехвал ущипнул себя за клочковатую бородку, с любопытством оглядел Глеба и сказал:

– Что ж, ходок, идем. Сейчас ты все увидишь сам.

Лекарь повернулся и зашагал к ближайшему столу. Глеб секунду стоял на месте, потом нехотя последовал за ним. Остановившись возле стола, лекарь протянул руку и одним резким движением сдернул покрывало.

На столе, вне всякого сомнения, лежало тело человека. Тело было обнажено и с головы до ног опутано какой-то белой дрянью, похожей на паутину. Неприятное зрелище, однако Глебу доводилось видеть и не такое.

- И что дальше? - сухо спросил он.

- Как видишь, это человек. И он мертв. Но это еще не все.

Лекарь протянул руки к телу, лежащему на столе, подцепил паутину ногтями и резко раздвинул ее, открыв взглядам живот мертвеца. В животе этом, синеватом, чуть вздувшемся, багровела рана.

- Это десятник Бориполк, - объяснил лекарь. - Он отправил своих ратников в дозор, а сам пошел к костру. Там его и нашли. Это случилось неподалеку от Гиблого места. В полутора верстах от межи.

- Вот как, - неопределенно проговорил Глеб. - И что же с ним случилось?

- Какая-то тварь вспорола Бориполку брюхо и запихала в него свое яйцо.

- Яйцо?

- Да. Сейчас я покажу.

Лекарь Прехвал повернулся к соседнему столу и сорвал второе покрывало. На столе и впрямь лежало большое черное яйцо. Гладкое, блестящее, идеально ровное. Размером оно было с небольшую дыню. Под ложечкой у Глеба засосало от неприятного предчувствия. Он облизнул языком пересохшие губы и тихо спросил:

- Что было внутри яйца?

- Ничего, - ответил лекарь.

- Как ничего?

- Да вот так. Когда я надрезал скорлупу, из яйца вырвался клубок дыма и тут же рассеялся в воздухе. Больше там ничего не было.

Прехвал протянул руки, осторожно взял яйцо и так же осторожно перевернул его. С другой стороны в яйце зияла большая дыра. Изнанка яйца оказалась такой же черной и блестящей, как поверхность. Глеб отвел от него взгляд, посмотрел на соседний стол, на котором, под затертым до дыр льняным покрывальцем тоже что-то лежало, и спросил:

- Что там?

Лекарь усмехнулся, подошел к столу и, не отвечая, сорвал покрывало, предоставив Глебу увидеть все самому.

Увиденное заставило Глеба побледнеть. На первый взгляд это было похоже на кучу окровавленного, но уже подсохшего тряпья, испачканного белой пылью. Однако тряпье это было странным, и лишь приглядевшись, можно было угадать на нем пучки волос, высохшие глаза, дырочки ноздрей и желтые, ссохшиеся уши, похожие на скрученные сухие листья.

- Это... - Глеб сглотнул слюну. - Это было человеком?

Лекарь кивнул:

- Да. Но теперь это лишь высохшая кожа с остатками плоти.

Глеб перевел взгляд ниже и увидел уже знакомый разрез.

- Внутри этого парня тоже было яйцо? - хрипло спросил он.

- Да, - ответил лекарь. - Что-то вызрело у него в утробе, а затем выползло из него. Что-то большое. Примерно... как человек.

Лекарь замолчал, подождал, не скажет ли чего Глеб, затем продолжил:

- Думаю, первый труп - это начало. Какой-то огромный паразит убил человека и отложил в него свое яйцо, как это делают мухи. Потом... - Прехвал указал на второй труп, вернее, на то, что от него осталось. - Из яйца вылупилась личинка, выела своему носителю все потроха, а окрепнув, выбралась из него наружу.

С полминуты Глеб молча обдумывал увиденное, а затем спросил:

- Что за тварь могла сделать такое с людьми?

Лекарь улыбнулся.

- А вот это самое интересное, - сказал он. - Пройдем к следующему столу.

Прехвал дошел до стола первым, подождал, пока Глеб встанет рядом, затем ухватил покрывало за край и стянул его. Глеб невольно отступил назад, рот его открылся от удивления, а на лбу выступили капли пота.

На столе лежало нечто странное. На первый взгляд существо походило на человека, закутанного в белый плащ. Все оно было белое, словно присыпанное мукой. Гладкая белая голова по виду напоминала человеческий череп, однако вместо челюстей у существа были жвала, словно у насекомого.

Приглядевшись, Глеб понял, что полы белого плаща на самом деле крылья.

- Что это за тварь? - тихо спросил Глеб. - Откуда она?

Лекарь ухмыльнулся.

- Красавец, правда? Стрельцы прикончили его два дня назад, недалеко от Кривой балки. Видишь эти дыры? - Лекарь указал пальцем на черные запекшиеся прорехи на груди и животе существа. - Они всадили в него пять пуль из белого железа, прежде чем он издох. Хотя любой другой твари, пришедшей к нам из гиблой чащобы, хватило бы и одной.

- Ты думаешь, что эта тварь явилась из гиблой чащобы?

- А где еще могло зародиться этакое чудовище?

Глеб вынул из-за пояса кинжал и тронул одно крыло твари острием. На кончике острия осталось белое пятнышко.

– Крылья покрыты пылью, – объяснил лекарь. – Я назвал эту тварь Призрачным всадником. Потому что крылья его похожи на плащи, какие носят наши конные ратники.

– Ты осмотрел внутренние органы этой твари? – спросил Глеб.

Прехвал кивнул.

– Конечно. Снаружи они похожи на человеческие. А вот внутри... Впрочем, лучше тебе взглянуть на это самому.

И он взялся за щипцы.

Глеб, преодолевая отвращение, склонился над распотрошенным чудовищем и взглянул на разрезанное темно-багровое сердце. Ткань этого сердца была очень странной. Она словно состояла из сотен черных, обугленных паутинок, переплетенных между собой.

– Красиво, правда? – услышал Глеб сипловатый голос лекаря. – То же самое в печени, селезенке и кишечнике. Да и легкие выглядят так же. Если хочешь, могу показать.

Глеб выпрямился и качнул головой.

– Не надо.

Затем полез в карман за бутовыми сигаретами. Лекарь с интересом посмотрел, как Глеб прикуривает от железного огнива, ухмыльнулся, достал из кармана кожаного фартука сухарик и бросил его в рот.

– Ты часто ходил в Гиблое место, верно? – поинтересовался он, хрустнув сухариком.

Глеб не ответил. Лишь пыхнул сигаретой и прищурил глаза от дыма.

– Быть может, тебе приходилось видеть что-нибудь подобное прежде? – снова спросил лекарь.

Глеб стряхнул с сигареты пепел, вновь посмотрел на белую крылатую тварь, лежащую на столе, и сказал:

- Прежде я таких не встречал.

Лекарь улыбнулся, вздохнул и мечтательно проговорил:

- Хотел бы я хоть раз побывать в гиблой чащобе.

Глеб жестко прищурился.

- Зачем тебе?

- Я ученый. Меня влечет все новое. - Прехвал помолчал секунду и добавил: - Мне доводилось вскрывать упырей, волколаков и оборотней. Я пытался разложить на составные части бурую пыль и голодную грязь. Однако я никогда не дышал воздухом Гиблого места.

- Удовольствие небольшое, - угрюмо проронил Глеб.

- Да, но все-таки. - Лекарь как-то странно покосился на Глеба и осторожно вымолвил: - В народе болтают, что люди, которые часто ходят в Гиблое место, подпитываются его Силой. И что со временем они становятся такими же сильными и живучими, как темные твари. Правда ли это?

Глеб усмехнулся.

- Ты бы с удовольствием разложил меня на этом столе и вскрыл, верно?

- Верно, - признался Прехвал.

- Вот тут тебе не обломится, лекарь. Уж извини.

Прехвал улыбнулся.

– Как знать, ходок, как знать. Однажды боги могут смилостивиться и подарить мне эту возможность.

Несколько секунд оба молчали, с холодным, неприязненным интересом разглядывая друг друга, затем лекарь сказал:

– Итак, подведем итог. В городе появились новые твари. Эти твари убивают людей и откладывают в трупах свои мерзкие яйца. А затем из этих яиц вылупляются какие-то ублюдки, сжирают тела и, набравшись сил, выбираются...

Дверь зала со скрипом открылась, и на пороге снова появился Добровол. Войдя в зал, князь плотно притворил за собой дверь и посмотрел на Глеба.

– Что скажешь, ходок? – спросил он, прищуриль маслянистые глаза. – Увиденное произвело на тебя впечатление?

– Зачем ты привел меня сюда, Добровол? – ответил Глеб вопросом на вопрос. – Чего от меня хочешь?

Князь сделал лекарю знак, тот кивнул, взял покрывало и быстро накрыл им белую тварь.

– Видишь ли, Первоход, – медленно начал Добровол, – ты лучший из ходоков, и я никогда этого не оспаривал. Никто не умеет сражаться с темными тварями лучше тебя. Я хочу, чтобы ты разобрался в этом деле. Покамест мне удастся держать все в тайне. Но представь, что начнется, когда горожане узнают про чудовищ, рыскающих по городу и откладывающих в людях яйца. – Добровол передернул плечами и добавил, скривив лицо: – По городу и без того идет молва, что я не могу совладать с темными тварями.

Глеб смотрел на князя удивленно:

– Неужели ты боишься бунта? У тебя есть мушкеты и пушки. При желании ты можешь стереть город с лица земли.

– Могу, – согласился князь. – Но кем я тогда буду править? Из кого набирать воинов? Из печенегов или хазар? – Он усмехнулся и качнул головой. – Люди

называют меня злыднем, ходок, но не хотят замечать, что зол я только к чужим. Страх застил им глаза, и они не видят, что я отношусь к ним, как к своим родным детям. Я никогда не поверну пушки против своего народа. Даже если это будет стоить мне княжьего трона.

Добровол сдвинул брови, помолчал секунду, чтобы подчеркнуть важность следующих слов, а затем сказал:

– Разберись в этом деле, Первоход. Найди рассадник крылатых тварей и выжги его дочиста.

Лекарь Прехвал кашлянул в тощий кулак и встрял в разговор:

– Выжечь рассадник тварей – это полдела, княже. Мы не знаем главного: что за твари вылупились из яиц. И где они прячутся. Белые твари страшны, но еще больше нас должна страшить неизвестность. Первоход, я ведь прав?

– Да, – согласился Глеб. – Ты прав, лекарь.

– Тогда выясни и это, – хмуро сказал Добровол. – Узнай, что происходит в городе. Убей чудовищ. Сделай это, и я отдам тебе амулет лесной богини.

– Что ж... – Глеб сдвинул брови. – Похоже, ты не оставляешь мне выбора. Я сделаю то, что ты просишь, Добровол. Но потом ты исполнишь свое обещание. И не дай тебе Белобог обмануть меня... пресветлый князь.

По изменившемуся лицу Добровола было видно, что тон Глеба покоробил его. Однако князь смирил гордыню и стерпел.

– Да будет так, – процедил он сквозь зубы. – Ты выглядишь больным, Первоход. Отдохни перед походом в моем тереме, верни себе прежние силы. А как только почувствуешь себя лучше, отправляйся в путь.

Вкус бутовой сигареты был горек, а дым выедал воспаленные от усталости глаза. Возвращаясь в терем, Глеб столкнулся в дверях с воеводой Бранимиром. Тот был при оружии. Меч, кинжал, три метательных ножа. Поверх шерстяного подклада – блестящая, как чешуя, броня.

Глеб лишь скользнул взглядом по его широкому, испещренному шрамами лицу и хотел пройти мимо, но воевода преградил ему путь.

– Странная сегодня ночь, ходок, – проговорил он хрипловатым басом. – Не находишь?

Глеб молча пожал плечами. Бранимир усмехнулся.

– Теперь ты один из нас, ходок. – Глаза воеводы на мгновение яростно сверкнули, но он тут же притушил их блеск. – Но ты нанес мне смертельную обиду. Такие обиды не забывают. Никогда. Но пока ты угоден князю, я тебя не трону.

– Я тебя тоже, – сказал Глеб и хотел пройти мимо, но воевода положил ему на грудь огромную ладонь.

– Не спеши, я еще не договорил. Когда-нибудь я заставлю тебя вспомнить о том, что ты сделал в пиршественном зале. Хочу, чтобы ты это знал.

У Глеба не было сил ни на спор, ни на препирательства. Он отвел взгляд от широкого лица воеводы, обошел его громоздкую фигуру и, не проронив ни слова, вошел в терем.

Час спустя, лежа на мягком тюфяке, набитом гусиным пухом и сухим мхом, Глеб обдумывал все, что услышал и увидел за день. На сердце у Глеба было тревожно, неприятные предчувствия терзали его душу.

Стараясь успокоиться, Первоход взглянул на свою потертую кожаную сумку, лежавшую на полу. В сумке лежали чудные вещи, отнятые у барыги Бельмеца. Вспомнив о них, Глеб почувствовал себя чуть увереннее. Вещицы не первоклассные. Но все же это лучше, чем ничего.

Белокрылые твари, конечно же, прилетают в город из Гиблого места. А Глеб предпочитал не соваться в Гиблое место, не имея при себе хотя бы одной чудной вещи. Эти вещи не только давали ему уверенность в себе, но и служили своеобразным оберегом, или скорее чем-то вроде пропуска. Он не раз замечал, что к тем, у кого в кармане лежит чудная вещь, Гиблое место относится с

большим доверием и дает больше шансов на выживание.

Глеб отвел взгляд от сумки и перевернулся на другой бок. Он вдруг поймал себя на мысли, что гиблая чащоба тянет его. И если бы у Добровола не нашлось для него задания, он бы, пожалуй, придумал себе задание сам.

Интересно, что Гиблое место приготовит для Глеба на этот раз? Глеб сомкнул глаза, и в полудреме ему привиделось что-то вроде вещего сна. Он видел белые фигуры Призрачных всадников, вспарывающих животы стрельцам, видел странных людей с волчьими головами, видел чьи-то огромные силуэты, похожие на силуэты деревьев, однако столь страшные, что от них хотелось бежать. И еще много всякого видел Глеб в этом странном полусне.

Приоткрыв на мгновение глаза и вернув себе способность мыслить здраво, Глеб вспомнил, что меч у него – из обычного хуралуга и совсем не заговоренный. Упыря таким мечом убить можно, а вот для волколака он не опаснее лесной коряги.

Снова закрыв глаза и постепенно погружаясь в сон, Глеб решил, что прямо с утра наведается к кузнецу Вакару и попросит его выковать новый меч.

Глава вторая

1

Дом кузнеца Вакара стоял на отшибе. Добротный был дом, богатый. А за домом располагалась большая кузница, из которой доносился стук молота.

Глеб прошел к кузнице и распахнул дверь. Кузнец, хлестко работая молотом, что-то ковал. Он, без сомнения, заметил, что кто-то встал у открытой двери, однако труд свой не прервал, дабы проковка не остывала понапрасну. Лишь когда заготовка начала бледнеть, он вновь сунул ее в угли, раздул мехи и только потом обернулся.

– Вот это да! – Из-под закопченных губ Вакара сверкнули два ряда белых зубов. – Не думал, что еще когда-нибудь увижу тебя, Первоход.

Кузнец за те три года, что Глеб его не видел, сильно постарел. Он по-прежнему был широк в плечах и кряжист, но в кудрях и бороде его стало больше седины, чем рыжины. Вакар широко улыбнулся, вытер рукавом рубахи покрасневшее, потное лицо, швырнул на верстак клещи, затем снял рукавицы и отправил их туда же.

– Ну, здравствуй, Первоход. А я слышал, что ты сгинул в Мории.

– Слухи часто врут, Вакар.

– Когда они говорят о твоей гибели, то да. Я был уверен, что ты вернешься. И я рад видеть тебя живым.

Мужчины крепко обнялись.

– Я отвлек тебя от работы, – с улыбкой сказал Глеб.

Кузнец качнул головой.

– Работы у меня всегда много. А друзей – мало. Но скажи сразу: спрятать мне тебя или ты можешь ходить по городу открыто?

– Могу ходить открыто.

Вакар чуть прищурил светлые, умные глаза и коротко кивнул:

– Ясно. Тогда идем в дом.

Перед тем, как покинуть кузницу, здоровяк Вакар оставил поковку остывать на наковальне, а затем, обняв Глеба рукой за плечи, зашагал с ним к дому.

Через пять минут он уже потчевал гостя тем, что послали боги. На столе стояла чаша с крупяной похлебкой, приправленной салом. На оловянной тарелке лежал

кусоч вареной говядины, нарезанный ломтями. Рядом – полкаравая хлеба, свежего, но темного от куколя.

– Прости за скромный стол, – виновато произнес кузнец. – Это все, что есть. Выпьешь браги?

Глеб качнул головой:

– Нет. Я три года был под хмелем и соскучился по трезвой жизни.

– Значит, те ужасы, которые я слышал о Мории, правдивы?

– Ужасы всегда правдивы, Вакар. Этим они отличаются от хороших вестей.

– Пожалуй, ты прав, – раздумчиво протянул кузнец. Затем тряхнул кудлатой головой, перетянутой красной тесьмой, улыбнулся и сказал: – А ты давай ешь. Для ходока ты стал слишком тощ, и если тебя не откормить, кто-нибудь из охоронцев спутает тебя с оголодавшим упырем.

Глеб засмеялся и взял в руку деревянную ложку.

Кузнец, поглядывая на то, как Глеб ест похлебку, закусывая ее хлебом, взял кувшин и наполнил кружку брагой. Отхлебнул глоток, вытер рукавом рот и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/granovskiy_anton/obitel-t-my

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)